

Игорь БОЛГАРИН
Виктор СМИРНОВ

ГОРЬКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ
НЕСТОРА МАХНО

Мастера исторических приключений

Игорь Болгарин
Горькое похмелье

«ВЕЧЕ»

2006

Болгарин И. Я.

Горькое похмелье / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ», 2006 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4484-7958-8

Нестор Махно – известный революционер-анархист, одна из ключевых фигур первых лет существования Советской России, руководитель крестьянской повстанческой армии на Украине, человек неординарный и противоречивый, который искренне хотел построить новый мир, «где солнце светит над всей анархической землей и счастье – для всех, а не для кучки богатеев». Жизнь его редко бывала спокойной, он много раз подвергался нешуточной опасности, но не умер, и потому люди решили, что у него «девять жизней, як у кошки». В третьей книге трилогии акцент сделан на периоде 1919–1922 годов, когда Махно разошёлся в политических взглядах с большевиками и недавние союзники в борьбе за новый мир стали непримиримыми врагами.

ISBN 978-5-4484-7958-8

© Болгарин И. Я., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	43
Глава седьмая	45
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Игорь Яковлевич Болгарин,
Виктор Васильевич Смирнов
Горькое похмелье. Девять
жизней Нестора Махно**

© Болгарин И.Я., Смирнов В.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая

Грянул оркестр, выстроившийся вдоль вокзального перрона.

На станцию Гуляйполе прибывал «скорый бронированный» самого легендарного Павла Ефимовича Дыбенко, в недавнем прошлом наркомвоенмора, а ныне начальника дивизии, взявшей Екатеринослав. К бронепоезду были прицеплены два классных вагона.

Но едва паровоз, сбавляя тяжелое дыхание, остановился, не из закованного в броню мрачного серого салон-вагона, а из будки машиниста, прогремев тяжелой бронированной дверью, вылез бывший матрос Дыбенко. И тотчас к нему подбежали выскочившие из вагона бра-тишки-балтийцы, на всякий случай окружили его настороженным эскортом, держа маузеры наготове.

Перрон из-за клубов пара плохо угадывался. Но когда ветерок развеял сизую завесу, стало видно, что нигде никакой опасности нет. Лишь поблизости поблескивал медью оркестр.

По почти незаметному знаку Махно оркестр, на этот раз куда более сыгранный, чем прежде, и в расширенном составе, грянул «Интернационал». Дыбенко и сопровождающие его матросики взяли под козырек.

Махно со своим тоже весьма экзотическим окружением из черногвардейцев подошел к Дыбенко. Нестор принарядился. На нем была новая венгерка с пышными витыми шнурами алого цвета, и конечно же высоченная папаха, и брюки с лампасами, и сапоги на высоких каблуках. Но разве потягаешься с почти двухметровым красавцем Дыбенко!

Бывший матрос, тоже украинский крестьянский сын, был сделан из более удачного материала. Росту метр девяносто, черные, как вороново крыло, волосы, черные размашистые брови, усы вразлет, борода клином, карие, невероятной глубины глаза, прямой, резко очерченный нос...

Порождает же таких красавцев неенька Украина! Вот так однажды, путешествуя по Черниговщине, встретила императрица Елизавета Петровна простого козака Сашка Розума. Ахнула при виде такого писаного красавца и сделала его некоронованным царем России, своим морганатическим супругом...

В ответ на честь, отданную красным полководцем, Нестор протянул руку для пожатия, представился:

– Махно! Нестор Иванович!

– Павло Дыбенко, – ответил гость рокочущим басом. – Начальник непобедимой первой Заднепровской Украинской героической дивизии.

– Пройдемте, товарищ Дыбенко, для смотра войск и знакомства с нашим революционным Гуляйполем – вторым Петроградом, – столь же высокопарно произнес Махно.

Дыбенко ухмыльнулся в усы, но постарался скрыть усмешку: уж больно серьезен и суров был вид маленького Махно.

– Сами прибыли чи с супругой? – дипломатично осведомился Махно.

– Спит, – широко улыбнулся Дыбенко и с гордостью полуграмотного человека пояснил: – Всю ночь статью писала. Пишет, зараза, як семечки лузгает!.. Прошу прощению, Нестор, а нельзя оркестру малость горло придавить? Пока мы то-се, пускай жинка ще немного поспит.

Юрко, идущий чуть сзади Нестора, тут же бросился к оркестрантам. И через мгновение музыканты продолжили все ту же бравурную музыку, но только в «нежном» исполнении. Играли одни скрипки.

– Молодец! – похвалил Махно адъютанта, стараясь держаться в трех шагах от Дыбенко, чтобы не показывать, что его папаха достает начальнику дивизии едва ли до плеча. И, опять же за спиной пальцем, он подманил из эскорта Галю Кузьменко: – Дозвольте познакомить вас, Павло Ефимович, с моей супругой Галиной Андреевной Кузьменко, анархисткой еще с дореволюционного времени, заведующей нашим агитпропом.

– Очень приятно! – Дыбенко крикнул и подправил ус. Галина произвела на любвеобильного матроса приятное впечатление. Она была в черной кубанке, кожаной черной куртке, длинной черной юбке, хромовых черных сапожках. «Лицо Гуляйполя!» – Очень, очень приятно! – еще раз повторил Дыбенко, соблюдая политес, которому выучила его образованная жена Александра Коллонтай. Вот только черные знамена! Но таких знамен у себя на Балтике Дыбенко посмотрелся вдоволь. Не привыкать!

На привокзальной площади выстроилось анархистское войско, одетое разношерстно, но благопристойно. Ряды ровнехенькие. Тачанки Кожина глядели на площадь тупорылыми «Максимами». Конница сдерживала в ряду лошадей.

Взгляд Дыбенко остановился на Щусе. Тот как «разжалованный» сидел на коне в общем строю. Свой братишка, «Иоаннъ Златоустъ».

– Смирно! – прокричал Черныш. – Равнение на середину!

Ряды четко выполнили команду. Придерживая шашку, Виктор подбежал к Дыбенко, отрапортовал:

– Товарищ начальник героической дивизии Заднепровья! Революционная анархическая армия батьки Махно для торжественного смотра построена!

Дыбенко оглядел всех, остался доволен. Крикнул мощно, перекрывая скрипки:

– Здравствуйте, товарищи революционные бойцы!

– Слава товарищу Дыбенко! – дружно ответили уже отрепетировавшие приветствие махновцы.

– Ну вот, – пробасил Дыбенко. – А говорили: какая-то банда!

– Не верьте злым языкам. Завидуют, – сказала Галя.

Дыбенко повернулся, благосклонно кивнул.

Скрипки в бодром маршевом темпе заиграли «На палубу вышел, сознания уж нет...». Специально для морячка Дыбенко.

Неподалеку гостей ждали тачанки, застеленные коврами. На передней восседал кучер Степан.

Потом Махно и Дыбенко пили в бывшем доме Кернера, специально подготовленном для замечательных гостей. Интерьер обновился. Исчезли хрупкие китайские вазы, слишком хрупкие для нового времени, исчезли портреты в тяжелых золоченых багетах, зато появились иные. Маркс соседствовал с Бакуниным, Энгельс – с Кропоткиным. И еще на стене появился портрет лейтенанта Шмидта, как некий знак примирения между анархистами и коммунистами, ибо он не принадлежал ни к тем, ни к другим, считая себя революционером чистой воды. К тому же моряк! Для Дыбенко – несомненный герой.

Павел Ефимович даже крикнул и поднес ладонь к виску, отдавая честь лейтенанту.

– Добре! – пробасил он. – Этот человек показал мне, пацану, шо такое революция и в какую сторону по жизни шагать. Мне тогда пятнадцать годков было, как его расстреляли. И скажи, Нестор Иванович, шо я тогда из себя представлял? Обыкновенный черниговский хлопчик. Конох. А як за душу задело! Всю судьбу вывернуло!

Он постоял рядом с портретом, как бы давая понять свою причастность к великим делам.

Галина была довольна. Это она достала и повесила в бывшем кернеровском доме портрет Шмидта.

Дыбенковские морячки из охраны смешались с махновскими черноговардейцами. Под широкой лестницей кернеровского особняка, у столика со всяческой снедью и батареей бутылок, Щусь, со следами нагайки на лице, которые можно было принять за боевые шрамы, спорил о чем-то гальванометрическом с морячком, на бескозырке которого было выведено «Стерегущий».

Действительно, что может быть сделано на корабле без гальванометриста, по-нынешнему, без электрика! Снаряд главного калибра из шахты не подашь, гирокомпас не закрутишь, подводная лодка в глубине будет беспомощной...

А в комнате, что была когда-то кабинетом промышленника Кернера, уже изрядно подвыпивший Дыбенко, приобнимая Нестора, говорил:

– Здорово у тебя, батько! Осталось тебе только к большевикам перейти – и будешь ты главным человеком на Украине. Сам Антонов-Овсеенко мне сказал: сагитируй, и мы сделаем Махно военным комиссаром Украинской республики...

– Не, – покачал головой тоже уже хорошо подзахмелевший Махно. – Никак. У нас селянами никто не командует. Ни большевики, никто. Мы власти не признаем.

– А-а, – махнул рукой Павло Ефимович. – Власть каждому нравится. Мне, думаешь, не нравится? И тебе нравится.

– Не. Мне не нравится.

– А чего ж тебя батькой зовут? У батьки шо, над сынами власти нема?

– То у вас, у большевиков, власть! А у нас – авторитет. Свободное уважение.

– А ты думаешь, я – большевик? – Дыбенко оглянулся по сторонам, почти шепотом признался: – Меня ще год назад из партии турнулы. До сих пор не восстанавливают.

– За шо? – поразился Махно.

– Под Нарвой германцы мой отряд побили. А я ще по дурости слово дал, шо не пропущу германца. А он як вдарил тяжелым калибром. Ну, мы и драпанули, як зайцы. А козлом отпущения ЦеКа потом меня назначило: дескать, не было в войсках дисциплины! Анархия! Хотели расстрелять! Да-а!.. Жена спасла, до Ленина ходила...

Он стал рассказывать, как провинился во второй раз: был послан в Крым для подпольной работы в тылу у немцев, но по дурости завалил явку. Попал в контрразведку. Ребят постреляли, а его опять выручила жена, снова пошла к Ленину. Тот, хоть и был нестигаемым вождем пролетариата, а растаял при виде красавицы-революционерки, праправнучки выдающегося поляка Гуго Коллонтая, главного идеолога у повстанцев Костюшко.

И еще не раз выручала прекрасная Александра своего незадачливого мужа. Любила. И он ее любил, насколько может любить красавец и волокита.

Дыбенко помотал головой, стараясь избавиться от тяжелых воспоминаний. Махно тем временем налил ему и себе. Поровну.

– Гляди, ты себе, як и мне, наливаєшь. Гордый! – сказал Дыбенко. – Хочешь доказать, шо перепьешь?

– Перепью! – с усмешкой ответил Нестор. – Мы, козаки, никому не уступаем!

– Ну, ха-ха! – Дыбенко опрокинул чарку. – Ты действительно батька! – И посерьезнел, вернулся к прерванной теме: – Троцкий был за расстрел, зараза! Потом на мое место – Фрумку Склянского. Шоб он мою армию дисциплинировал.

– Ну и что Фрумка?

– Он это... в армии децимацию ввел. – Слово «децимация» далось моряку с трудом.

– Не знаю такого слова.

– Страшное слово. Выстраиваешь полк – и... кто не схотел в атаку идти... каждого десятого. Для острастки других. Не подействовало, ще раз... каждого десятого. Моя жинка говорит, это изобретение Французской революции. Децимация и эта... гильотина. Ну, голову куль-

турно отрубать. Якой-то французский врач придумав. Фрумка, гад, тоже из военных врачей. Офицер!

– Чего твоя жинка не идет? – спросил Нестор. – Выпила б с нами.

– Да ты шо? Не ест, не пьет. Все пишет и пишет. Страшно подумать, яка умна.

– Моя тоже, – похвастался Махно. – Анархию понимает, як букварь. Свободна.

– Ну уж моя свободна – по некуда. Ты про теорию «стакана воды» слыхав? Они ее вместе с одной немочкой, с Кларой Цеткин придумали. Сильнейшая, я тебе скажу, теория. Я потом объясню!

Они снова выпили.

– Так ты мне оружия и припасов дашь? – спросил Махно.

– Не, не дам. Но если войдешь в мою непобедимую Заднепровскую, тогда – другой разговор!

– А кем зачислишь?

– Командиром бригады.

– У тебя сколько народу в дивизии?

– Двенадцать тысяч, – почему-то шепотом ответил Дыбенко.

– А у меня шестнадцать. Как же я пойду к тебе комбригом?

Это уже было похоже на ярмарочный торг двух селян.

– Твое дело, – сказал Дыбенко. – А такой же батька, як ты, пошел до меня комбригом.

– Это кто ж такой? – Махно сделал вид, что не знает, о ком речь.

– Григорьев.

– Ну, какой он батько! Он атаман! То – другое...

– А для меня все равно, шо батька, шо атаман... Так вот, недавно я был у Григорьева в Александрии. У него зараз уже тысяч тридцать штыков и сабель. Шесть бронепоездов. И – комбриг! Не погнушался!

Махно задумался. Он хорошо знал и атамана с Правобережья, и то, что он обладал такой внушительной силой. И это ранило самолюбие батьки.

– Бронепоезда мне ни к чему, – с видимым равнодушием сказал Махно и покачал головой. – У меня тачанки. Моя стихия – степь.

– Степь – это хорошо! – захрустел огурцом Дыбенко. – А скажи: ты своими силами город смог бы взять? Ну, там Бердянск, к примеру, или Мариуполь?

– С оружием, с боеприпасами – влегкую. Я ж Катеринослав брал!

– А потом бы повернул на Донбасс? На Юзовку? Пошел бы?

– Тоже не задача.

– Я серьезно.

– И я.

– А я бы махнул на Крым!.. Крым, братишечка, це целое государство! Кто владеет Крымом, тот владеет Черным морем. Жинка где-то вычитала. И теперь я даже во сне вижу себя дядькой Черномором!.. Я б на Крым подался, а тебе за то – боепитание. По нормам Красной армии!

Махно весело смотрел на Дыбенко, размышлял над его предложением. Прельщала мысль, что не надо будет больше думать о снабжении оружием, боеприпасами. Особенно – боеприпасами.

– Троцкий мне запрещает идти на Крым. Ленин тоже. Говорят: защищай Донбасс, и все! А у меня в голове Крым, будь он неладен! Возьму цей чортов полуостров – и все свои грехи искуплю. А заодно отыщу тех контр... ну, тех, шо меня арестовалы. И повесю их прямо на Графской пристани. Там на лестнице аккурат четыре фонарных столба. – Дыбенко стукнул кулаком по столу. – И мой начальник политотдела меня поддерживает!..

– Супротив Ленина? – покачал головой Нестор. – Это уже сильно похоже на брехню. Шоб комиссар тебя супротив Ленина поддержал – ни в жисть не поверю!

– Мы с моим начальником политотдела в полном комплекте! – обидевшись, снова стукнул по столу красный от горилки Дыбенко. – Як заряд с пушкой!

В этот момент дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась, и в комнату вошла высокая, стройная, очень красивая дама в совершенно буржуазном халате, с высокой «господской» прической. Тонким пальчиком она вытирала уставшие глаза.

– Павел, опять? – спросила она, глядя на стол.

Дыбенко и Махно разом встали и как бы мгновенно протрезвели.

– Важный разговор, Сашенька, – стал оправдываться Дыбенко. – Может, сейчас решается весь ход войны. От товарищ Махно готовый влиться в нашу дивизию. У него тридцать тысяч войска, – не моргнув глазом, соврал он и затем указал в сторону роскошной женщины: – А это, товарищ Махно, жена моя, Александра Михайловна Коллонтай, начальник политотдела моей непобедимой дивизии.

Нестор учтиво склонил голову. Он не знал, как следует здороваться с этой барыней. Коллонтай слегка усмехнулась: она поняла причину замешательства батьки. Неистребимое крестьянское начало: нелюбовь и одновременно почтение к «господам».

– Не переусердствуйте, товарищи, – попросила она. – Я имею в виду ваше поле боя. – Она указала на стол.

Дыбенко поспешил ее проводить. При этом, оглянувшись на Махно и озорно ему подмигнув, он как бы шлепнул ее по роскошному, подчеркнутому пояском заду. Но не дотронулся, не осмелился. Тихо закрыл створки двери.

Затем вернулся к столу, покрутил свой черный ус, сливающийся с черной же – не большой и не малой – бородой. Пригладил буйную шевелюру. Антрацитовые его глаза сияли озорным и победительным блеском. Вот так же, наверное, сияли глаза его земляка черниговского казака Алёшки Разумовского, бывшего пастуха и певчего козелецкой церкви, когда он прельстил императрицу Елизавету Петровну и стал фельдмаршалом и графом.

– Да! – выдохнул он. – Женщина, скажу я тебе, Нестор! С юных лет в революции. Дочь генерала. И бывший муж ее – тоже генерал! И представь себе: я, бывший матрос первой статьи, одна лычка на погоне, такую кралю в койку уложил! От шо такое революция! – Дыбенко разлил в стаканы горилку: – Давай же, батько, выпьем за эту великую бурю!

– Ну так шо? Кто кого перепьет? – подняв чарку и, словно желая взять некий реванш за поражение в происхождении жен, спросил Нестор.

– Настырный ты, черт, анархист! – улынулся Дыбенко. – Но флот никогда никому не сдается! – Потом посерьезнел, одолевая пьяную дурь: – О деле!.. Я тебе человек пять своих командиров и комиссаров оставляю. Так надо. А то не поверят, шо ты под мое командование пошел. Григорьеву я человек двадцать пристроил. Не возражав...

– А чего ж ему возражать?

– Дурень ты! – сказал Дыбенко беззлобно, как собутыльнику. – Я, може, в чем и поганый, но я без хитрости и дипломатии. От сердца отрываю, настоящих большевиков. Воюють без огляду и умеючи. От так!

– А зачем мне большевики?

– Ты их в свою веру перевербуй, если сумеешь. Озерова Яшку с кровью отрываю. Бывший штабс-капитан, эсер-максималист, но перешел до большевизма. Пятьдесят три ранения, понял?

– Такого не бывает! – возразил Махно.

– И я так думав. Самолично до дохторов водил на смотрины. На спор. Золоту шашку проиграв. Ханска шашка, с музеем... Будет у тебя начальником штаба лучше, чем у Деникина генерал Лукомский... чи як там его...

- У меня есть начальник штаба.
- Будет ще один. Посадишь на оперативный отдел. Не прогадаешь!

Утром начальник Заднепровской непобедимой спал на диванчике в той же комнате, где «обсуждались дела». На столе теснилась батарея пустых бутылок от казенной горилки с перцем.

В соседней комнате неутомимая Александра Михайловна заканчивала статью о революции и женском вопросе. Храп красавца-дикаря, раздающийся за дверью, ее не тревожил. Прервавшись на полуслове, она стала смотреть в окно, покусывая кончик ручки. Взгляд ее был мечтателен...

...А Нестор Махно вместе с Лашкевичем и Каретниковым уже с раннего утра осматривали собранные во дворе экипажи – тачанки и брички. Еще без «Максимов».

– Я так думаю, шо с десяток пулеметов мы ще выпросим, – говорил батько. – Так шо, Карета, подбирай хороших стрелков, а ты, Тимош, отбери обученных стрельбою коней... И не парамы будем, а тройками и четверками. И шоб только пыль пошла по Украине!

Он вытер со лба пот. Юрко, стоявший рядом с глечиком и глиняной кружкой, спросил:

– Може, россольчику, батько?

И, не дождавшись ответа, налил в кружку мутного рассола. Махно, крякнув, выпил.

– А даст он столько пулеметив? – засомневался осторожный Лашкевич.

– Золотой человек! – успокоил хлопцев Нестор. – Мы ж з им теперь кореша. И бронепоезд бы отдал, та только на кой хрен он нам нужен!

Дыбенко, и верно, сдержал слово. К вечеру на станции стали выгружать из вагонов ящики с патронами, тяжелые связки новых винтовок, выкатывали пулеметы...

Начбоеснаб Заднепровской дивизии, тоже матрос, но со счетами и блокнотом, что-то отмечая, бросил:

– Тут товарищ Дыбенко указал: два трехдюймовых орудия... Но зачем вам орудия, у вас, наверно, и артиллеристов нет?

Махно ухмыльнулся:

– У нас, братишка, артиллеристов больше, чем в церковном хоре певчих. Даже вам можем позычить! – И небрежно приказал Юрку: – Командующего артиллерией сюда!

Пока они шли к платформе с пушками, к Махно подбежал Павло Тимошенко, вытянулся.

– Примешь два орудия, с боекомплектом. И проверь, шоб все было в порядке.

– Слушаюсь!

– А говорили, у вас банда... – заметил начбоеснаб.

– Заладили: банда, банда. Сам подумай, какая банда смогла б сладить с помещиками, с офицерами, с германцами, с Петлюрой? И с Деникиным сладим.

– Никаких сомнений! – согласился матрос-начвоеснаб. – Только ж в газетах так пишут.

– Газета – то баба на базаре, – сердито ответил батько. – У нас в Гуляйполе була баба Лындычка. Чи фамилия у неї така, чи за то так прозвали, шо по селу без дела лында. Утром, чуть свет, ложку за пазуху – и от хаты до хаты. Где поспит, где пообедает. Все сплетни соберет, всю брехню по-своему перебрешет. Баба! А то ще у мене в армии такой же завелся – Сашко Пронин. С виду – козак, а гнилой. Сплетник. Сплетню, як пряжу пряде. Всех со всеми перессорив. Смотрю: розлагае армию. Пришлось расстрелять. Не должны на свете такие жыть! Наверно, и там, в газетах, такие сидят.

– А шо ж с той бабой? Ну, с Лындычкой? – поинтересовался матрос.

– Говорили мне: вроде ей сельские бабы самосуд устроили. Утекла с Гуляйполя. Но, видать, жива. Брехня ж в газетах не переводится...

...А тем временем в комнате станционного телеграфа Дыбенко диктовал телеграфисту, сидящему у аппарата Юза:

– *«Харьков, по местонахождению... Командующему Украинским фронтом Антонову-Овсеенко. Приняв армию батьки Махно як бригаду в Заднепровскую дивизию. Войско надежное. В ближайши дни вступит в борьбу за Донбасс. Считаю необходимым отметить заслуги товарища Махно в освобождении обширного района Левобережья Украины. Это ускорило бы его полный переход под наши знамена. Сам отправляюсь освободить Крым от белых войск, будучи уверенным в силе войск батьки Махно, который принял в свои ряды несколько ответственных большевиков. Товарищ Махно не даст Деникину овладеть Донбассом. Начдив Заднепровской Дыбенко».*

На следующее утро вокруг бронепоезда по-муравьиному мельтешили дыбенковские матросы и солдаты с жестяными красными и «химическими» звездочками на фуражках и папахах на месте былых царских кокард.

Махно со своим штабом провожал начдива. Поднялась в салон-вагон Александра Коллонтай. Она была на этот раз вся в коже, перепоясанная ремнями, в кожаной же фуражке, с револьвером в кобуре. Безумно хороша!

– До свидания, товарищ Махно. – Она поднесла руку к локону на виске.

– Счастья вам, – по-селянски ответил Нестор. Чести анархисты не отдавали, увы! А так было бы красиво!

Бронепоезд, коротко свистнув, заскрежетал сдвигаемыми вагонами. Дыбенко еще стоял у подножки. К нему подбежал телеграфист:

– Срочная, товарищ начдив!

Дыбенко протянул ленту между пальцами: *«Ленин, Троцкий категорически против Крыма. Защищайте Донбасс, энергетическое сердце Республики, ворота на Украину. Зампред Реввоенсовета Склянский».*

Дыбенко усмехнулся, дал прочитать телеграмму Махно.

– На тебя надежа, – сказал матрос и поднялся на ступеньки вагона. – Они не понимают, шо такое Крым! – И приказал телеграфисту: – Отвечай! *«Москва. Ленину, Троцкому, Склянскому. Телеграмма не вручена. Дыбенко из Гуляйполя выбыл. Местонахождение неизвестно. Яков Озеров».*

Медленно двигался вагон. Махно шел рядом с вагоном, на ступеньке которого стоял Дыбенко.

– А все ж таки, – почесал лохмы Махно, – шо за теория такая, про стакан воды?

– Заело? – рассмеялся матрос. – Про это, братишка, цела книжка написана. Полдня надо пересказывать. Встренемся в следующий раз, засядем на всю ночь, и я тебе в подробностях ее перескажу. А если коротенько, это теория про то, шо мужчине с женщиной должно легко сойтись, все равно як выпить стакан воды. Постоянна любовь – то буржуазный пережиток. Дети пойдут – для них приюты. Семью тоже отменим...

– А что ж останется? – искренне изумился батька.

– Торжество вечной любви, – заявил Дыбенко.

Поезд набирал ход. Дыбенко скрылся в вагоне, в двери встал часовой.

Прошел еще один бронепоезд, потом вагоны с войсками, платформы с артиллерией, броневиками. Но, похоже, не эта демонстрация большевистской мощи привела в глубокую задумчивость Нестора. Он размышлял над последними словами Дыбенко.

– «Стакан воды»... Генеральская дочка... Ну и ну!..

Удивленно пожал плечами и зло сплюнул себе под ноги. Анархистский ум, крестьянское сердце...

Глава вторая

Спустя сутки на станции Гуляйполе снова поднялась суета. Махновцы по мосткам заводили в теплушки лошадей. На крышах устанавливали пулеметы. Дальше, на платформах, уже стояли тачанки. На одной из платформ – две пушки, на лафетах сидели Павло Тимошенко, Мыкола, другие артиллеристы...

Новенький штабист Яков Озеров, склонив набок поврежденную шею, смотрел по сторонам и что-то записывал в кожаный планшет-сумку. Планшет – загляденье. Прощальный подарок Дыбенко.

– До Нельговки едем тихонечко, без шума. Подбираем людей. Там разгружаемся. Полк Чубенко заходит в Бердянск от Петровской, – разъяснял командирам Черныш. – Левадный, Каретников – от Ногайска, через Андреевку. В город входим разом, в шестнадцать часов. Пушки – в первых рядах, кадетов придется вышибать из домов. В Бердянске крепкие, кирпичные дома, есть даже в три этажа...

Махно слушал четкую речь Черныша как музыку. Это уже было похоже на армию, не на ватагу из плавней.

Начштаба не без ревности поглядывал на Озерова. Бывший штабс-капитан все что-то черкал в планшете, морщил лоб.

– Ты, Черныш, не крути головой, як та птичка на ветке, – успокоил начальника штаба Махно. – Озеров размышляет. И пускай. Может, до чего-то толкового и додумается. У нас скоро столько бойовых направлений будет, шо и трех штабов не хватит. – Отыскал взглядом Садираджи, подозвал: – А ты, Дмитро, двигай на Мариуполь. У тебя там, говорил, сплошь родня?

– В Мариуполе, батька, каждый второй – грек, а каждый второй грек – мой родич, – ответил Садираджи.

– В город врывайся с шумом! Вышибут – не беда. Твоя задача, щоб в Бердянск не подошло подкрепление кадетам.

– Будь уверен, батька. Собака не проскочит.

– И шуму, шуму побольше!

– Паника будет, как при пожаре в бардаке, – усмехнулся Садираджи. Свою просторную, яркую рубаху он подпоясал широким кушаком, сунув по бокам два револьвера: только рукоятки с насечкой торчали. Особый шик бывшего контрабандиста.

Вскоре все два эшелона были загружены. План Махно, подтвержденный расчетами Черныша и Озерова, был несложен, но велик по замыслу: на марше овладеть азовским побережьем, вплоть до Таганрога, и, если удастся, захватить ставку Деникина. Потом повернуть на север и, используя железные дороги, через Ясиноватую и Елановку взять в клещи Юзово, «сердце Донбасса», как этот шахтерский городок называли большевики. Вот это будет операция!

– Отправляемся, батько! – крикнул Черныш, открыв крышку карманных часов.

– Поехали, Галю, немножко повоюем! – обратился Нестор к жене.

Как и при встрече Дыбенко, учительница была в кожаной куртке, туго перехваченной поясом с кобурой, в длинной черной юбке, в красной, назло вражеским стрелкам, косынке. Ну, ничем не отличить от Коллонтаихи. Только что не барского рода, сельская барышня. Детство в хлеву и на огороде: это все же было заметно.

Хлопцы подали Нестору и Галине руки, втянули в теплушку. С особым рвением внесли в вагон чернобровую хохотушку Феню, нового бойца взвода разведки и связи. Машинисты тронулись без свистка. Только лязгнули буферные тарелки.

Первый такой поход батьки Махно. Дальний. Со стратегическим прицелом. Конечно, невелико войско: два эшелона неполного вагонного состава. Но Нестор знал: в каждом селе,

на каждом полустанке – короткая остановка. К ним будут присоединяться человек по сто, а то и по двести. С оружием. Опробывалась новая, партизанская тактика: если нужно нанести концентрированный удар – «все до кучи»! Если выяснится, что у противника перевес и это грозит разгромом, вновь разбегутся по селам. Оружие – под сено, в подпол, в тайные склады. Коней – в «колки», по балочкам. Что, где, почему? Ничего не знаем, не слышали. Мы – мирные селяне: пашем, сеем. А если батько вновь покличет – опять «до кучи»...

Или – другая тактика. Всюду мелкие укусы, удары, отскоки. Кто ударил? Где батько Махно? Только шо был туточки. Где? Та он там, на севере. Не, не спорьте – на юге. Да шо вы такое говорите – на западе...

Это ж сколько тогда надо войска, чтобы одолеть несколько тысяч повстанцев? Миллион? И миллиона не хватит! Вон у немцев был миллион! И что?

Покачивался вагон, покачивался и Махно, сидя на жесткой лавке и закрыв глаза. Думал. Как мужику генералов перехитрить? Генералы-то тоже не вчера из академий выскочили. В огне Великой войны кожу опалили, пулям не кланяются, от штыка не убегают...

Эшелоны останавливались часто, то на полустанке, а то и в чистом поле. Подъезжали селяне. Кто на чахлой лошаденке, в рваной шапке, с виду дурак дураком! А кто – на бедарке-однооске, похожей на ту, что бегают по ипподрому.

А еще подходили к поезду бабы или молодички, с виду развеселые, где-то наугощавшиеся. Отыскивали батьку или веселого немца Кляйна. Шептали. Махали по сторонам руками. В общем, рисовали картину: где какие войска или, напротив, что здесь никого не видно и не слышно. Добровольная разведка, которая вроде бы никуда не глядит, ничего не записывает, но все видит и все подсчитывает.

Как-никак здесь повсюду земля махновской загадочной республики с ее зыбкими, никем не очерченными границами. Может, от края до края в ней тысяча верст, а может, только сто. Никто не знает, даже сам Нестор Махно.

На одной из остановок Яков Озеров перебрался в теплушку к батьке. Нестор попробовал завести с ним разговор. Интересовался, почему так? Еще вчера не было тут никаких белых или, как их там, кадетов. И казаки были смиреннее чумацких волов. Как же так получилось, что из двух-трех тысяч офицерского войска теперь выросла армия: почти весь Дон, вся Кубань у них, уже по Донбассу гуляют, под Воронежем стоят, за Царицын бьются? В чем тут дело? Говорят, интервенты помогают, мировой империализм раздувает пожар. Да ведь если в печи один горшок с борщом, то сколько ни раздувай уголья, а двух горшков не получится.

Озеров, воюя вместе с Дыбенко, многое повидал, к тому же штабс-капитан был с политическим кругозором. Может, кое в чем разобрался?

Оторвавшись от планшета, Яков продолжил морщить лоб. Ответил словно бы нехотя, не уходя далеко от своих мыслей:

- Большевики оказались дураками.
- Постой, но ты же сам за большевиков!
- Не совсем. Я – максималист.
- Это шо ж за зверь такой?
- Он на большевика чем-то смахивает. Издалека. А если присмотреться...
- Ты без выкрутасов... попонятнее растолкуй.

– Мне вот, как и тебе, попервам большевики шоры на глаза натянули, чтоб только одну линию партии видел. Но есть настоящие большевики, думающие. Вразумили: не надо было народ злить. Опыты сначала в лабораториях ставят, а потом уже на заводе или где там. А не то взлетит завод на воздух... Так оно и вышло.

И Озеров стал неторопливо рассказывать. Началось с того, что казачков сильно обидели. Мол, чуждый элемент. Ненужный для будущего. Ни работы им, ни пропитания. Разве что в

заложники. Ну и все такое... Вообще, полнарода – чуждые. Сами же разбудили недовольство. Вон Рудольф Фердинандович Сиверс, организатор Красной гвардии. Что он под Ростовом творил! Расстрелы, грабежи! Казаков под ногу. Вот и стали воспринимать большевиков как оккупантов собственной страны. И началась эта самая Гражданская война. И не скоро закончится.

Махно слушал, задумчиво кивал. Он уже видел результаты советских опытов в деревне.

– Постой, Яша, так ты, может, против этого... против социализма?

– Я б тогда с тобой не ехал в одном вагоне. Я за социализм, потому что это хорошее дело. Но я против того, чтоб социализмом бить по голове, вместо того чтобы сеять его в головы для постепенного урожая.

– Толково говоришь! – Махно даже обрадовался. Еще немного, и он выведет Озерова на анархический путь...

Но Яков словно услышал батькины мысли.

– Анархизм – другая крайность, – сказал он. – В России всегда анархизма был избыток. Мы – народ, склонный к бродяжничеству и манне небесной, без трудов. Так что без порядка нам смерть.

Батько хотел возразить, но Озеров отмахнулся:

– Так или не так, а белых надо бить! Другого пути нет. История так распорядилась... – И он заговорил уже о другом, о более понятном: – Я вот что думаю, батько. Деникинцы высадились на станции Розовка. Зачем? Ясно: им нужна Цареконстантиновка, узловый центр. Нас они там не ждут, пойдут туда маршем...

Озеров четко, как преподаватель в аудитории, объяснил Нестору и окружившим их командирам, что Белая армия еще очень неопытная в Гражданской войне, хотя в основном и офицерская по составу. Крестьянскую армию всерьез не воспринимает. Какая там у мужиков дисциплина, какое вооружение? Курам на смех. Офицерский полк явно идет занять не только узловый пункт, но и весь этот район, состоящий сплошь из немецких колоний, где они ожидают встретить хороший прием и надеются пополниться добровольцами.

Озеров рукой обвел на карте изрядный кусок Приазовья, восточный мыс Херсонщины, где вот уже лет сто как поселились меннониты и иные переселенцы из Германии. «Хлебный амбар» всего Левобережья. Вальдгейм, Гиршау, Ландскроне, Фридендорф, Шпаррау, Контиусфельд, Гнаденфельд, Гнадельталь, Николайдорф... Райский сад, молочные реки, кисельные берега.

Озеров между тем уже наметил балочки и рощицы, где можно расположить засады, укрыться, а потом оттуда нанести по офицерскому полку неожиданные и ошеломляющие удары. Результат? У Добровольческой армии Май-Маевского окажутся спутанными все карты. Лежащие в стороне Бердянск и Мариуполь они и не подумают защищать. Кроме того, армия Махно после боя еще пополнит запасы столь необходимых патронов и снарядов.

План выглядел, действительно, толковым. Этот большевичок Озеров, похоже, был находкой для анархистов.

Эшелоны махновцы оставили у станции Воскресенки, а сами выбросили крепкий десант на дорогу Розовка – Гайчур – Цареконстантиновка. Офицерский полк, как и просчитал Озеров, шел довольно беспечно, без бокового охранения. Конница и пехота батьки ударили с флангов, а тачанки заскочили в тыл. Разгром был полный. Двести офицеров, юнкеров и колонистов, ошеломленные внезапным налетом, сдались в плен. Махно приказал патроны экономить, а пленных изрубить у карьера, где брали песок для железной дороги. Он понимал, что после этого, даже если кто-нибудь из махновцев дрогнет в бою, в плен сдаваться не станет. Мстить кадеты будут люто.

Озеров был против расправ. Он хотел отправить пленных в Гуляйполе. Но его уже не слушали: надо поскорее идти на Бердянск, а тут возись с офицерем, отрывай от дела бойцов, снаряжай конвой...

За два часа весь карьер залили кровью. Многие хлопцы отказывались рубить и уходили в степь, там их рвало и выворачивало.

К войне не сразу привыкают, ее изучают на практике. А наставлений и пособий по таким делам пока еще никто не придумал.

Когда махновцы ушли к Бердянску, разделившись на две колонны, карьер окружили стаи бродячих собак и устроили грызню и дележ добычи. Все это застал офицерский арьергард. Обожравшиеся псы были не в состоянии далеко уйти, и их перестреляли, а в Добровольческую армию Май-Маевского отправили длинную телеграмму.

Зверство махновцев возмутило генерала. Ему и в голову не могло прийти, что жестокость повстанческого батьки была рассчитанной. Май-Маевский приказал срочно взять Гуляйполе, самого Махно поймать и повесить, а село примерно наказать. Лучше всего это могла сделать самая мобильная и самая лихая часть – новоиспеченная дивизия новоиспеченного генерала, джигита, смельчака и азартного игрока со смертью Андрея Шкуро.

Маленький, костистый и жилистый, как жокей, рыжеволосый генерал на рысях погнал три эскадрона с легкой батареей к Гуляйполю с тем, чтобы в кратчайший срок изловить Махно, село сжечь и сразу же, загнав конницу в вагоны, броситься вдогонку за войсками Деникина, которые двигались к Полтаве.

Снятые с оборонительных позиций под Бердянском тыловые части должны были закрепить успех налета кавалерии Шкуро.

Генерал Шкуро остановился на взгорке. Крепко сбитый, курносый, веснушчатый, довольно молодежавый для своих тридцати двух лет, Андрей Григорьевич в бинокль осматривал окрестности. Увидел станцию Гуляйполе, мертвую, пустынную. Ни дымка над ней, ни людей на пристанционной площади.

Чуть позади генерала застыла его «волчья сотня»: гуляки, рубаки и грабители, все в волчьих папах со свисающими сзади хвостами убитых хищников. Это были привыкшие к вольной жизни и разбою казаки, чеченцы и ингуши из бывшей обласканной императором Дикой дивизии, из почетного царского конвоя.

После революции не нужные никому, оказавшиеся без покровительства, без денег, кавказцы вынуждены были отказаться от данной на Коране клятвы, вернулись на родину и стали грабить казацкие станицы и русские села, нападать, ради оружия, на отряды растерянных солдат. Горло резали, как баранам. Абреками стали!

Шкуро, хорошо знавший горы, язык, обычаи, со своим маленьким отрядом добровольцев крутился по Кавказу, наносил смертельные укусы абрекам, резал тоже без жалости. Дотла жег аулы.

Зауважали. Прозвали «рыжим волком». Постепенно пошли к нему, стали давать клятвы верности. Чеченец служит не идее, он служит человеку, если тот достоин. «Рыжий волк» был достоин верности. Давший клятву чеченец – лучший воин, хотя и пограбить, и покуражиться над врагом считает своим правом.

Теперь смуглолицые свирепые жители Кавказских гор застыли за спиной генерала, ожидая малейшего его слова или же даже жеста.

– Ну, хлопчики, – повернулся к казакам генерал-атаман. – Перед нами махновская столица.

– Возьмем с налету, Андрей Григорьич! – улыбнулся кто-то из штабных. – Небось бандюга все награбленное сюда свез!.. Дозвольте?

Шкуро согласно кивнул.

И по знаку штабного тронулась вперед, набирая рысь, первая сотня... за ней вторая... Лишь «волчья гвардия» осталась на месте, возле Шкуро.

И вдруг на голом поле, как удары обухом в доску, прозвучали громкие одиночные выстрелы. Кто-то из всадников упал, остальные пошли наметом дальше.

– Алла!.. Аллах акбар!.. Ура!.. – раздалась крики на все лады. – Бей Махну!

Кто-то из всадников, то ли проявляя удачу, то ли желая напугать противника, стал на ходу показывать джигитовку: нырнул под брюхо лошади и с шашкой в зубах понесся вниз головой. Эх, Андрей Григорьевич! Пригодятся еще тебе и твоим немногим оставшимся в живых рубакам навыки джигитовки: спасаясь от голода, будете вы с конным цирком разъезжать по Европам. Но это потом, потом, много лет спустя!

По конным ударил стройный винтовочный залп, а затем в беседу вступили два пулемета. Патроны не экономили, и конные валились один за другим. Не в человека пуля, так в коня. А на всем скаку – это дело костоломное.

Через некоторое время стали возвращаться казаки. В основном они уже были без лошадей, хромящие, окровавленные. Легко раненные поддерживали тяжело пострадавших товарищей.

Шкуро все больше хмурился.

– Вот тебе и «с налету», – сам себе буркнул он.

Двое казаков подвели к генералу израненного человека, в котором не без труда можно было узнать Симона Острянского.

– Вот, Андрей Григорьевич, жиденка привели!

– Я что, жидов не видал? – мрачно ответил Шкуро.

– Да не, Андрей Григорьевич. Он говорит, у них тут жидовская рота.

– У Махно? Жидовская рота? И она моих хлопцев побила? Да ты что, Босый, головой ударился?

– Та не... точно. Ну, повтори! – потряс Симона казак. Но тот не отвечал, лишь невнятно что-то мычал.

– Тут бы обходной маневр! – вмешался штабист.

Шкуро ожег штабиста презрительным взглядом и, твердой рукой сдерживая своего арабского скакуна, подъехал к своей гвардии:

– Ну, волки! Докажите, что у вас шапки не из шкур домашних собак!

– Обижаешь, атаман! – оскалил зубы кавказский джигит. – Сам волка брал!..

– Не я обижаю. Махно обидел. В насмешку против нас, зараза, жидовскую роту выставил. Заставьте, джигиты, обрезаю показывать спину!.. Пленных не надо! И заходите с флангов! На пулеметы не лезьте.

Дикий – то ли крик, то ли визг – разнесся над степью. Сотня сразу взяла в намет. Да хоть бы и на пулеметы: чеченец смерти не боится. После смерти в бою – сразу же рай, ласковые гурии, чистые родники. Молодость, блаженство. Только трус не усладится вечным раем.

– Шо они кричат, папа? – спрашивал Якоб у Лейбы.

– То от страха они, сынок! От страха!.. Давай!

И Якоб дал одну, затем вторую очередь в налетающих на них всадников. Из других окопов тоже доносились аккуратные прицельные выстрелы. Падали всадники, падали лошади. Но два эскадрона, незамеченные, зашли с флангов, с тыла. Круговой обороны у роты Лейбы не было, и каре построить они не сумели бы. Не были обучены.

Началась рубка. Острая кавказская шашка в умелой руке раздваивала человека, как арбуз на бахче. Только красный сок разлетался струями, поблескивая на солнце, прежде чем оросить землю...

Эшелон Махно остановился в степи.

– Нельговка, батько!

Хохотушку Феню махновские ухажеры вынесли на руках, бережно усадили на коня. Скакуна нашли ей хорошего.

Черныш стоял на насыпи, слушал бодрящий стук копыт по сходням, скрип тачаночных колес, громохание трехдюймовок, которые спускали по мосткам на веревках. Тут же войско разделилось на колонны, чтобы неприметно охватить Бердянск с двух сторон.

Тимошенко привел в надежный вид свою батарею. В передки были впряжены по шестерке лошадей, за передками тянулись трехдюймовки. Под дирижерскими палочками опытных командиров войско выстраивалось как на царском параде, Нестор даже залюбовался.

Крикнул:

– Быстрее, быстрее, хлопцы! Если где будет сопротивление – обходите. Пусть пушкари выкурюют! А вы спешите в порт, отрезайте пути! Шоб и сами не выскочили, и добро не вывезли!

А поле перед окопами еврейской роты было усеяно трупами лошадей, людьми, стонущими и лежащими замертво. Валялись на траве серые папахи с волчьими хвостами. Голова волка с оскаленной пастью уставилась стеклянными глазами в вечеряющее небо...

Шкуровцы бродили вдоль окопов, постреливали, рылись в карманах, чертыхались. Одежонку не брали: худая была одежонка. Некоторые воевали босиком.

Атаман остановился у сидящего на дне окопа Лейбы, который держал на коленях голову убитого Якоба.

– Сын? – спросил Шкуро.

– Сын.

– Ну и скажи на милость, зачем вам, жидам, сдалось это клятое Гуляйполе?

Лейба поднял голову и глядел как бы сквозь стоящего наверху генерала:

– «...И нельзя сказать: что это? Для чего это? Ибо все в свое время откроется...»

– Ты о чем это? – помахивая нагайкой, спросил Шкуро.

– «...Брат мой! Не живи жизнью нищенской: лучше умереть, нежели просить милостыню...»

– Пристрелить старого идиота? – спросил стоящий сзади штабной.

Но Шкуро только махнул рукой: оставь, мол. И пошел вдоль окопа к лошади.

– Сволочи! Шесть часов держали! Кто бы мог подумать! – воскликнул штабной.

К ним подскочил измученный связной на запаленном коне:

– Господин генерал! Я из Воскресенки... Срочное распоряжение Май-Маевского: идти на помощь обороняющимся гарнизонам Бердянска и Мариуполя! Махно уже там!

– Перехитрил, подлец! – воскликнул штабной.

Шкуро молчал. Смотрел на поле, вспухшее бугорками тел.

– И все равно: Гуляйполе я трошки пожгу! – решительно сказал он и обернулся к ожидающим приказа джигитам: – Хлопцы! Даю вам два часа. Потому что спешим! Своих убитых хороните скоренько, по своим обрядам!

Мимо проехали телеги со стонущими ранеными и медсестрами в белых косынках.

Связной ждал.

– Смени ему коня! – попросил ординарца Шкуро и сказал связному: – Передай Владимиру Зеноновичу: полк измотан, выступлю через сутки!

... Через два часа в селе, окутанном дымом, стало еще на полсотни хат меньше. У тынов лежали зарубленные, те, кто неосторожно вышел из хаты или выбрался из погреба. В голос плакали бабы. Выли девчата, которые, еще не успев заневеститься, узнали, что такое налет «волчьей сотни».

Шкуро курил, не сходя с коня. Грабежей и насилий он не любил. Но знал: не дай «волкам» полной воли, в следующий раз в бой не пойдут.

Глава третья

На булыжной мостовой Бердянска звенели копыта. Звуки выстрелов смешивались с гамом, криками, с грохотом колес по булыжной мостовой.

Махновские всадники гнали по улице бегущих белогвардейцев. Те отстреливались. Упал один... второй... Но остальных махновцы настигли. Блеснули сабли...

По другой улице в окружении конных ехали Махно, Галина, Юрко...

Из распахнутого окна раздались выстрелы. Это размеренно отстукивал свою музыку медлительный французский ручной пулемет «шошо». Двое из сопровождавших Нестора всадников упали.

Нестор подъехал к стене дома, приподнялся на стременах и сбросил в окно гранату. Взрыв вынес на улицу раму вместе со стеклами, продолжавшими разлетаться в воздухе. Затем вместе с несколькими хлопцами он взбежал наверх, к квартире. Легко взломали дверь. По комнате еще стлался едкий дым, на полу лежал убитый белогвардеец, у стены – еще один. Под окном валялся заправленный, готовый к стрельбе «шошо»...

Нестор выглянул в окно. Крыши, крыши, а дальше голубизна моря, дымок уходящего пароходика. На молу столпилась группа людей, кто в одежде, кто в нижнем белье, согнанных конными с шашками в руках.

– Батько, юнкеря отступылы на косу, – остановился под окном разгромленной квартиры Левадный. – Шо прикажете?

– Сам не можешь додуматься? Пошли туда конных. Пусть перехватят, пока в лодки не сели! – ответил Махно.

Рядом с Левадным промелькнуло лицо в фуражке с кокардой. Нестор схватился за пистолет. Но там, внизу, первой из карабина успела Феня. Попала.

– Молодец, девка! – похвалил батько. – А я в ней и не сомневался!

В городе все еще шли бои, уныло посвистывали пули, гремели взрывы. Разбитые стекла второго окна отзывались дребезжанием...

Разнеслось вдребезги последнее целое стекло, в комнату влетели несколько пуль, посланных чьим-то пулеметом. Поколупали лепнину на потолке, осыпая всех белой известковой пылью.

– Ты бы отошла в угол, Галка, – попросил Нестор жену. – Смерть не беда, а от глупая смерть – беда!

В комнату ворвался потрепанный в бою, но довольный Щусь. Голова его была картинно перехвачена бинтом, но бескозырка все же держалась на макушке.

– Батько, Левадного ранили, я принял команду. Взял порт. На косе захватил человек сто юнкерей, офицеров... Шо с ими делать, батько, щоб ты не ругався?

– Ты шо, совсем ум потеряв? Принял полк, ну и действуй по обстановке! Беляков расортируй, кого куда...

– Понял, батько! Рассортирую! Кого до апостола Петра, кого до Павла, – радостно ответил Щусь и выскочил из комнаты.

И едва он прискакал на мол, сразу же началась рубка пленных. Тела сбрасывали в море.

– Там же совсем хлопчики, кадеты, – сказала Галина. – Какие юнкера?

– Взял оружие в руки – значить враг, – сердито ответил Нестор. – Мне, Галочка, Кропоткин Петро Алексеевич шо говорил...

– И Кропоткин не прав, и ты тоже, – возразила Галина. – Для кого ж мы свободу добываем, если всех детей перебьем?

– За детей я сам голову положу, а с врагами, извини... без сентиментальностей.

Галина отвернулась от окна. Ей стало нехорошо. Нестор обнял ее за плечи:

– Бороться, Галочка, за анархизм в школе – это одно, а на войне – совсем другое. Походишь с нами, озвереешь, как все.

– Не хочется, – ответила жена.

– А кому хочется? Конечно, лучше на пасеке сидеть, с пчелками беседовать. Но закон такой. Мы офицеров в плен не берем, они – нас не берут. Как говорится, взаимное согласие.

Мол постепенно очищался от людей – и убиваемых, и убийц. Только красные пятна остались на досках да красная вода плескалась у свай... Возбужденно кричали чайки, кружили над молом, резко падали на воду...

Под штаб-квартиру заняли особнячок Бердянско-Ногайского банка. Морской ветер, влетавший в разбитые окна, гонял по полу какие-то бумаги, кредитные билеты, ассигнации, и среди них новенькие, только что выпущенные при Деникине деньги с изображением цветка – колокольчика. Лашкевич, ползая у ног людей, которые то и дело вбегали и выбегали из бывшего банка, собирал бумаги и деньги. Добро все же!

– О! – сказал он, рассматривая деникинский червонец. – Начальник управления финансов Бернацкий... Я красивше росписуюсь.

Махно отмахнулся от дотошного казначея. Не до денег, в городе продолжался бой. Феня вместе с бойцами роты связи разматывала катушку телефонного провода. Как учительница физики и других естественных наук, она быстро разобралась в новом деле. Связисты тоже что-то ей втолковывали, непременно стараясь приобнять за плечи, а то и за талию.

Уныло посвистывали пули, пролетая мимо пустых окон. Где-то далеко, и от этого вроде как безобидно, словно детские хлопучки, рвались гранаты.

Пыль и дым, смешиваясь, создали над городом облако.

Начала ухать пушка, вышибая гардемаринов из здания мореходных классов. На грузовых путях у порта что-то взорвалось, заставив вздрогнуть массивное банковское сооружение. Феня, смеясь, отбросила от себя слишком настойчивого специалиста по связи. И тут же в аппарате заквакал зуммер вызова.

– Слухаю! Батько Махно! – заорал Нестор, взяв трубку.

Голоса махновских командиров звучали в телефонной трубке непрерывно. Звонили из элеватора, господствующего над городом, из караимской синагоги, напоминающей маленькую гранитную крепость, из Общества взаимного кредита, в подвалах которого нашли склад оружия, и даже из маяка, расположенного на окончании длиннейшей, верст в пятнадцать, Бердянской косы. И когда только успели туда добраться?

Черныш и Озеров принимали сообщения, отдавали приказы, ставили отметки на карте, и наконец начштаба доложил Нестору:

– Все! Город взят. Окрестности тоже у нас. Ни один пароход не ушел.

Махно расплылся в улыбке. Впервые он видел столь слаженную работу своей армии. Да, учились, учились – и выучились.

Вновь ворвался, теперь уже в штаб, Федос Щусь. Он желал услужить батьке и получить признание в качестве командира полка, как и было ранее. Бинт на его голове потемнел от крови.

– Батько, вражеске гнездо нашли. Того самого Тилло, якого мы убили. Там ще других Тилло до хрена.

– Ну и пострелял бы их всех к бисовой матери!

– Так оны на патретах. Ты б глянув, батько, шоб потом, в случай чего, опять мне плетюганов не всыпав... Тут близенько!

Особнячок был невелик, но в строгом классическом духе, с портиком и колоннами, отчего казался выше своих двух этажей. Облицованный белым мелким ракушечником, он светился отраженными солнечными лучами до боли в глазах.

После яркого света вестибюль показался темным погребом. Лестница. Какие-то портреты, старинные вазы. Такого добра Нестор уже насмотрелся вдоволь.

Только сейчас Нестор различил стоявшую на лестнице хозяйку – немолодую уже, стройную высокую женщину в черном платье.

– Вы кто? – спросил Нестор.

– Тилло... Евгения Александровна. – Женщина ответила спокойно, и Махно, ценивший в людях умение держаться с достоинством даже перед лицом смерти, стал говорить с ней чуть мягче:

– Генерал Тилло вам кем доводится?

– Какой генерал Тилло? – спросила женщина. – Их много. Один строил Бердянский порт, гидролог, один погиб под Варшавой, двое в гвардии... сражаются. Еще корнет, восемнадцатилетний, тоже...

Щушь подошел к одному из портретов, указал на него:

– А этот генерал... как его...

– Александр Александрович. Это мой брат.

– О! Слышал, батько? Это ж тот самый...

– Помолчи, Федос! Не спеши поперед батька! – строго сказал Нестор.

Глаза батьки постепенно привыкли к комнатным сумеркам, и он смог разглядеть еще один большой портрет в строгой раме, висевший над пролетом лестницы. Нестор узнал этого красивого, темноусого и чернобрового моряка с глазами страдальца, глубокими, очаровывающими, такими глазами, которые прежде он видел только на иконах, изображавших Христа. Из ворота кителя проступал высокий, с острыми углами белый воротничок, подпирающий длинную шею, на плечах погоны с двумя звездочками.

Совсем недавно Галина разыскала такой портрет где-то в Гуляйполе и повесила в особняке Кернера к приезду Дыбенко. И именно этому человеку с глазами Христа отдал тогда честь brave красный командир Дыбенко.

– А это кто ж? Тоже ваша родня? – немного растерянно, вглядываясь в пронзительные, затуманенные внутренней болью глаза моряка, спросил Нестор.

– Это... Петр Петрович Шмидт, – словно бы нехотя пояснила Евгения Александровна.

– Я узнал. Я спрашиваю – он тоже родич?

– Жених.

– Та-ак... Дозвольте пройти, присесть, – сказал батько.

И к удивлению всех его сопровождающих, он сделал невероятное – бережно взял под локоток хозяйку и повел ее по лестнице вверх. Шмидт! Да вся Новороссия в юные годы Махно гудела от одного только его имени!

...Хозяйка была немногословной. Она умела держать себя в руках. Недаром ее виноградское хозяйство считалось лучшим на Азовщине. «Гости» требовали рассказа. Но как расскажешь о том, что составляло и продолжало составлять смысл жизни, чужим, пропахшим порохом людям, забежавшим на минутку во время еще не до конца стихшего боя?

Ну да, в детстве они были соседями: трехлетний Петенька и двухлетняя Женечка. Дружили, вместе играли. Отец Женечки, адмирал, строил и достраивал в Бердянске военный порт, а отец Петеньки, тоже адмирал, был начальником этого порта. Потом дети выросли и полюбили друг друга. Полюбили так, что даже домашние называли их женихом и невестой, не видя в том преувеличения или насмешки.

Потом Петенька уехал в Петербург, в Морское училище, чтобы стать адмиралом. Он писал Женечке почти каждый день трогательные письма. Для того чтобы жениться, он дол-

жен был окончить училище, отплавать гардемаринном и мичманом и получить лейтенантские погоны. И заручиться разрешением начальства, которое в данном случае, конечно, не пошло бы против желания Пети Шмидта, сына адмирала и княгини Сквирской.

Но увлечения молодых людей мимолетны, переменчивы. Нет, нет, Петенька не забыл о невесте, о данном слове. Его новым увлечением стали революционные идеи и мысли о страданиях бедного народа. И в качестве первого шага, доказывающего, как высоко он чтит простой народ, Петенька, не сказав никому ни слова, женился на первой встреченной им «падшей женщине», питерской проститутке, жившей на нищей окраине. Он отдал Доминике свои сбережения и свое сердце, увы, совершенно не нужное этой весьма вульгарной и циничной девушке.

Женечка благородно вернула жениху данное им слово, что весьма немаловажно для офицера с «фамилией». Не в силах забыть Петеньку, она отвергла ухаживания новых женихов и осталась соломенной вдовой, продолжая любить своего лейтенанта. А потом... потом Петенька продолжал писать бывшей невесте, так как не было у него человека ближе. Женечка и ее отец не раз выручали не такого уж молодого лейтенанта, без конца попадавшего в какие-то неприятности. Но во время восстания, когда Петенька, ставший известным революционным оратором, назначил себя командующим взбунтовавшимся флотом, никто уже не мог спасти полуседого бывшего гардемарина.

– А у вас письма Шмидтовы какие-нибудь есть? – спросил прямолинейный Махно, полному доверию которого мешало обилие генеральских и адмиральских эполет на многочисленных портретах.

Евгения Александровна протянула вождю анархистов перевязанную лентой пачку писем, одну из многих, хранившихся в секретере. Нестор отдал пачку Галке – учительница быстрее разберется.

Пока жена читала, он вглядывался в портрет несомненно самого важного генерала, с неисчислимым количеством русских и каких-то непонятных иностранных сверкающих орденов.

– А этот? – поинтересовался батько. – Дуже серьезный.

– Это дядя. Алексей Андреевич. Глава семьи.

– Расстреляли?

– Умер своей смертью. Не за что было расстреливать, – объяснила хозяйка, словно не знала, что для расстрела больше не нужны были причины.

Как могла, она объяснила, что Алексей Андреевич – ученый, путешественник, член многих академий, заведующий отделом математической географии у Семёнова-Тян-Шанского, составитель первой гипсометрической карты России, проектировщик Великой Сибирской дороги, первооткрыватель Курской магнитной аномалии, вычисленной математически, основатель новой теории Среднерусской возвышенности, участник и руководитель многих экспедиций...

Махно понял все сказанное лишь наполовину. Он не столько слушал хозяйку, сколько смотрел на Галину. Он видел, как по щекам жены потекли слезы: а ведь он уже убедился, что характер у подруги достаточно суров. Но история любви, изложенная в письмах, видимо, понастоящему тронула молодую женщину.

И это решило судьбу особняка и его хозяйки.

– От шо, – решительно сказал Махно, вставая. – Тут теперь будет музей лейтенанта Шмидта. А гражданка Тилло назначается директором и хранителем. Дом этот занимать под жильё чи ще под шо-нибудь запрещается. Вещи трогать и тем более выносить тоже запрещается под страхом смертной казни... – Он повернулся к Лашкевичу, все надежды которого на какую-либо конфискацию теперь лопнули: – Составь, Тимош, такую бумагу, шоб... поставь печати, я подпишу. – Он еще немного в задумчивости походил по комнате, рассматривая портреты, обернулся к Щусю: – Федос, а той кителек, шо ты мне из Либерсдорфу привез – где он?

- Тут, в обози, батько.
- Доставь! И шоб со всем, шо на нём было.
- Я мигом.

И действительно, минут через десять запыхавшийся Щусь ввалился в комнату и, кивком отозвав Нестора в сумеречный угол, вручил ему узелок. Нестор его развернул, убедился, что все знаки орденов и медалей на месте.

Выйдя из тени, Нестор подошел к хозяйке, которая в напряжении стояла посреди комнаты, ожидая, когда уйдут гости.

– Дозвольте, Евгения Александровна, вручить вам кителек вашего брата. Со всеми его наградами.

– Почему... почему он у вас? – испуганно спросила Евгения Александровна. – Где Шура? Что с ним?

– Его убили... большевики. А китель мы случайно у них отобрали. Там, в кармане, записочка была... ничего такого, только имя и фамилия...

– Боже... и Шурочка, значит, тоже, – всхлинула она и уткнулась лицом в китель. – И даже могилки его нет...

Ей никто не ответил. Какие могут быть могилы для вражеских офицеров и генералов? Гражданская война!

– Нам этот китель ни к чему... Просто трофей. А вам память про брата, – сказал Нестор и добавил совсем тихо: – Извините, что нарушили ваше одиночество.

Он неуклюже пожал ей руку. Вспомнил, что Сольский несколько раз целовал женщинам руку. Подумал, что это как раз тот самый момент. Но как это сделать деликатно, он не нашелся.

Впрочем, женщина не обращала на него внимания. Держа в руках китель, она опустилась на стул. Не плакала, только низко склонила голову и сидела так, не шелохнувшись, пока махновцы не покинули дом и их шаги не затихли вдали.

...Так в полуразрушенном городе, среди незастывших луж крови и необранных трупов, Нестор Махно основал свой первый и единственный в жизни музей, просуществовавший всего две недели. Ровно столько, сколько махновцы удерживали Приазовье...

...Всадник на взмыленном коне подскакал к Нестору, идущему в окружении хлопцев по улицам занятого Бердянска.

– Батько! Черныш передает: беляки выбылы нас з Мариуполя. И разведка доносе: белякам на пидмогу Шкуро йде! Так шо робыть?

– А шо, Черныш не знает? – спросил Махно. – Передай ему: выбить! И ще раз выбить! И столько раз выбивать, пока Мариуполь не будет наш!

– Слухаюсь! – Всадник развернулся.

– Смени коня – запалишь! И ще передай Чернышу: мы идем ему на подмогу!..

Всадник ускакал.

– Юрко! Коня!

Коноводы вывели со двора коней. Нестор вскочил в седло. С улыбкой наблюдал, как взбирается на своего коня Галина. Не научилась еще казацкой езде!

– Пошли! – Нестор помчался вперед. Следом за ним поскакали Галина, Юрко, Лашкевич...

За конными двигались тачанки, артиллерия. Справа было ослепительно голубое море, слева – бескрайняя степь...

Близ Мангуша сменили у греков коней. Лашкевич приплатил щедро: после «посещения» бердянских банков казна ехала на трех подводах. Все остались друг другом довольны.

После полудня уже были близ Мариуполя..

– Павло! А ну вдарь по городу, приведи беляков в самочувствие! – попросил Махно пушкаря.

– Шрапнелью? – спросил Тимошенко.

– Чем хочешь. Только через полчаса, когда мы вскочим в город, замри!

Всадники помчались к городу, а позади них заговорили пушки. Над головами махновцев со свистом понеслись снаряды. И рвались среди домов. Но это была еще только прелюдия боя...

А потом завязался бой. Жестокий. Кровавый. Белогвардейцы подготовились к отпору. Рукопашные схватки завязывались на каждой улице...

Рвались под копытами коней гранаты. Падали всадники. И белогвардейцы, и махновцы.

Нестор с ходу влетел в самую гущу рукопашного боя, лихо и умело отбивался саблей. Жилистый, верткий, он ускользал от ударов и тут же бил, колол...

Вдруг совсем близко от себя увидел Галину. Неуклюже сидя на коне, как на печке, она выцеливала белогвардейцев и стреляла из пистолета.

– Галка! Дура! – заорал Нестор. – Куда тебя занесло, мать... Юрко! Забери ее! – Он резко обернулся, наскоро, без замаха, ударил саблей наскочившего на него юнкера, явно испуганного собственной смелостью. Юнкер бросил поводья и клинок и, зажимая рукой лоб, ускакал. – Я тебя, Юрко... я тебя скастрирую, если с Галкой шо...

Юрко схватил Галкиного коня под уздцы и потащил его в сторону от схватки. Но на их пути встал белый казачок, торжествующе взмахнул шашкой.

Вездесущий Щусь полоснул казачка сзади – и тот, с застывшим от удивления лицом, сполз под копыта своей лошади.

А бой только разгорался. Свистели пули. Звенели шашки...

Десятки, сотни, может, тысячи таких боев происходили в эти мгновения на просторах бывшей империи. На Волге, за Волгой, в Крыму, у Харькова, в верховьях Дона, под Ярославлем, Вильно, Иркутском. Иногда люди даже не понимали, с кем и за что они дерутся. Большевики, эсеры, нарсоцы, кадеты, анархисты, «зеленые», самостийники всех видов, повстанцы всех окрасок, защитники еще не ведомых никому республик, дашнаки, мусаватисты, англичане, греки, французы-интервенты, призванные на помощь, галичане, на ходу превращающиеся в красных, красные, не признающие большевиков, просто грабительские банды, делящие сферы влияния, продотрядовцы, чоновцы, сорокинцы, григорьевцы, белочехи, красные китайцы, белые калмыки... Пыль, дым, свист пуль, клекот тяжелых снарядов, вой осколков, звон стали, крики, стоны, визг...

Лишь к вечеру в Мариуполе наступила тишина.

Красные знамена перемешались с черными. Застыли на набережной шеренги махновцев и красноармейцев. Шум моря. Ветер...

Автомобиль со звездой и серпом и молотом на дверце пробирался сквозь запрудившую набережную мариупольскую толпу.

– Це хто? – спросил кто-то из махновцев.

– Антонов-Овсеенко. Командующий Украинским фронтом.

– Якый? Той, товстый?

– Та не! Толстый, то какой-то снабженец. Командующие – все худые.

Машина остановилась, и из нее вылез командующий в цивильной куртке с барашковым воротником, в очках в проволочной оправе. У него был очень штатский, учительский вид. Он поднял голову, стал высматривать кого-то в толпе.

Один из порученцев указал в сторону скромно стоявшего среди других командиров Нестора Махно. Подслеповатый Антонов-Овсеенко остановил взгляд на бравом Щусе, напра-

вился к нему. Но адъютант деликатно подтолкнул его дальше, к маленькому человеку в высокой, криво сидящей папахе.

Впрочем, и у командующего папаха тоже неуклюже сидела на густой «анархической» шевелюре.

– Батько Махно! – отрапортовал Нестор. – Командир Третьей бригады войск имени батьки Махно.

– Вы уже не бригада, – торжественно произнес высокий гость. – Командование и Реввоенсовет фронта признали ваше требование. Теперь вы – Первая Украинская повстанческая дивизия имени батьки Махно.

Окружающие ответили на это воплями восторга. Нестройно, не по-военному, но от души. Феня вытерла слезу радости. Она уже целиком вошла во вкус боевых действий, ощущала себя истинной махновкой.

Антонов-Овсеенко пожал Нестору руку, затем, не выдержав, прижал батьку к себе. Нестор уткнулся лбом в пуговицу, застегивающую барашковый воротник. Конечно, теплая куртка в этот летний день выглядела странно. Но командующего постоянно знобило. Врачи полагали, что это малярия или что-то нервное. Троцкий в своем кругу называл это «ознобом растерянности». Ну а почему не может трясти озноб в сущности интеллигентного человека, не злого, не мстительного, оказавшегося в гуще кровавой взаимной ненависти?

Антонов-Овсеенко, выходец из семьи потомственных офицеров, арестовавший Временное правительство и взмахом нагана обозначивший смену власти, с тех самых пор пребывал в некоторой растерянности. Он плохо понимал войска своего фронта, собранные из самых разнородных частей. Как, с кем, о чем говорить, как командовать? Начать революцию – это не полдела и даже не его сотая доля. Авторитет Антонова-Овсеенко, сторонника самостоятельности вооруженных масс, попал под пресс Троцкого, желавшего видеть профессиональную армию. Немудрено, что уходящий из большой политики вождь выглядел растерянным.

Грянула музыка гуляйпольского оркестра. Пока еще не очень стройная. Обессиленные оркестранты пошатывались и с трудом удерживали инструменты. У дирижера Беззуляка была перевязана голова. Музыканты только что срочно прибыли из Гуляйполя.

До Бердянска их мчали в тендере паровоза. Тендер мотало так, что оркестранты чувствовали себя галушками в кипятке. Помяло тяжелую тубу. Забило угольной пылью мундштуки. Всех превратило в шахтеров после смены. Затем три часа бешеной тачаночной гонки по шляху. Пыль...

– Они что, тоже были в бою? – тихо спросил командующий.

– Воевали, – не растерялся Махно. – Отчаянные хлопцы!

– Достойны наград!

– На трибуну! На трибуну! – закричала толпа. Трибуны не нашлось. Перевернули огромный железный бак. Поставили на него Нестора и Антонова-Овсеенко.

– Товарищ Махно, вы сделали великое дело! – словно продолжая начатый внизу разговор, громко, митингово сказал командующий. – Вы вышли в мягкое подбрюшье Донбасса, вы отвоевали Азовщину!

Черныш сделал знак, и хлопцы подхватили: «Слава! Слава!»

– Я спешу сообщить вам, – продолжил Антонов-Овсеенко, – что ВЦИК Республики наградил вас орденом боевого Красного Знамени. Новым орденом Страны Советов! Вы получаете его одним из первых награжденных!

– Четвертым, – подсказал Антонову-Овсеенко стоящий внизу возле трибуны сверкающий хромовой одеждой ординарец.

– Вот! Всего лишь четвертым! – повторил командующий. – Потом их будет много – тысячи, десятки тысяч! Но вы – один из первых в Республике!

Опять знак Черныша и крики: «Слава!.. Слава батьку!» И музыка. Оркестр наконец-то нашел согласие. Музыка звучала громко и торжественно.

Махно был польщен и смущен. Он сбросил с себя венгерку, и Антонов-Овсеенко, приняв от адъютанта коробочку, привинтил орден вместе с подложенной под него красной розеткой к гимнастерке Нестора.

– Спасибо... Никогда не думав, шо получу большевицкий орден!

– Я уверен, настанет время, и я вручу вам членский билет нашей партии, – сказал командующий.

– Время есть, голова тоже пока на месте. Может, я шо и пойму в вашей большевицкой науке, – широко улыбнулся Нестор.

А вокруг себя он видел радостные лица Галки, Черныша, Щуся, Юрка. Гремела музыка. Ветер. Флаги.

Чайки над морем...

Глава четвертая

Неподалеку от Мариуполя, где Греческий округ Екатеринославщины соприкасался с землей Войска Донского, раскинулось присыпанное угольной пылью село Сартана. Там, в чистой комнате, с крепко утрамбованным земляным полом, лежал на устланной коврами софе Нестор с перевязанной головой. Галя сутилась возле него, меняла повязку, смоченную в холодной воде.

– Ну что? Еще кружится?

– Да вроде бы на месте. К вечеру надо бы встать, Галочка.

– «Встать»! Тебе еще, самое малое, неделю надо лежать... Додумался, в самое пекло полез, под снаряды...

– Не для того я, Галя, женился, шоб у меня под ухом тут бурчали!.. До Таганрога сто верст. А там сам Деникин со своей Ставкой! Представь себе, сколько там генералов повяжем, а? Я тебе из одних только лампасов красное платье сошью.

В комнату вошла пожилая гречанка с трубкой в зубах. Она поставила на стол глиняную миску с водой.

– Холодная, – сказала она и, не выпуская изо рта трубку, добавила: – Садираджи сказал, если батька помрет, он всех перестреляет! Так что ты выздоравливай!

И, перекрестившись на иконы в углу, ушла.

Нестор приподнялся на локте, затем сел на софе. Приник губами к миске, жадно напился. Потом стащил с головы повязку.

– К черту! – Махно зло спюнул на пол. – В штаб надо, Галка! Давай амуницию!

– Повязку хоть на голове оставь, сумасшедший!

– Не хочу хлопцев беспокоить... Командир, Галка, не имеет права болеть!

Штаб разместился в доме какого-то богатого торговца. Нестор Махно прошел через обширный двор. В ворота влетали всадники, бросали коней у коновязей и торопливо бежали по ступеням в дом. Иные – наоборот – спешили из дома, вскакивали на коней, уносились по вымощенной булыжником улице. Чувствовалось, что здесь центр тех военных событий, которые разворачивались неподалеку...

И помещение, которое временно было превращено в штаб, тоже отличалось многолюдьем. Вбегали и исчезали ординарцы, кричали о чем-то в телефонные трубки связисты.

Над картой Приазовья склонились Черныш и двое ближайших его помощников – Озеров и Либертович, бывший учитель.

Все смолкли, увидев вошедшего Нестора. Тот махнул рукой: мол, продолжайте и, пошатнувшись, оперся о стол руками. Коротко взглянул на Черныша.

– Дурница: контузия, – пробормотал он, пресекая дальнейшие выражения сочувствия. – Докладай.

– Передовые части вот здесь, у Среднего Еланчика. – Черныш показал участок карты, охватывающий побережье Таганрогского залива. – До Таганрога осталось...

– Вчера ты то же самое докладывал, – сердито напомнил Нестор. – На месте топчемся?

– Сильное сопротивление. В Таганроге Ставка Деникина. Беляки бросили против нас все резервы, вплоть до офицерской роты охраны самого Деникина. Четверть нашего состава выбита. Боеприпасы почти полностью срасходованы. Хлопцы ходят в штыковую, оттого и такие потери.

– Еще б чуть-чуть поднажать!.. Проси помощи у Дыбенко.

– Он застрял где-то в Крыму.

– Ну, у Антонова-Овсеевка.

– Он уже не наш командующий. Нашу бригаду передали Южфронту, Гиттису.

– Кто такой?

– Черт его знает. Вроде бывший царский полковник. Чи генерал. Мы для него – репей на собачьем хвосте.

– Большевики совсем з ума съехали. Кругом в начальстве офицерье... Извини, Озеров, ты хоть в погонах и ходил, но тебя эти мои слова не касаются! Я Чернышу говорю! Начальник штаба! А как докладает! «Черт его знает», «вроде». Ничего точно не знает... Где ж твоя, Виктор, разведка?

– Моя разведка – селяне. А военная разведка – где ж ее возьмешь? Тут образованные нужны!.. Подготовленные!..

В штаб ворвался Садираджи:

– Батка! До нас какаясь красноармейска часть подходит.

– Ну от! – обрадовался Махно. – Должно, этот Гиттис подкрепление прислал!

Махно выехал на окраину Сартаны встречать приближающихся красноармейцев. Странная это была часть. Бойцы шли оборванные, перевязанные грязными бинтами.

– С боями прорывались? – спросил Нестор у первых, кто подошел к нему. – Много беляков по Кальмиусу?

– Не знаем... Мы с красными бились... – сказал ему бредущий по обочине дороги комвзвода.

– Как это – с красными? Вы ж сами красные!

– Ты у нашего комроты спроси, – мрачно ответил комвзвода. – Он лучшее в политике разбирается.

Махно еще издали узнал человека, внешность которого не могли изменить ни драная куртка с двумя красными «кубиками» и звездой на рукаве, ни грязная буденновка, сбитая на затылок, ни отросшая рыжеватая щетина... Лёвка Задов!

– Нестор! – неловко нагибаясь, Лёвка прижал его к себе. – А я к тебе пробиваюсь! Половину роты загробил!

Они троекратно расцеловались. Лёвка, не переставая, рокотал:

– Нет, ну надо же... Нестор! А я ще тогда, в восемнадцатом, зная, шо из тебя шо-то толковое выйдет. Клянусь Одессой! – Голос у Лёвки огрубел, стал совсем сиплый. – А тебя там, в Красной армии, ругают почем зря. Бандитом обзывают. А я выяснил: ты с Деникиным воюешь! Шо-то тут, думаю, не то. И хлопцы мои говорят: у Махна вольная армия, со свободой. А яка у Махна ще может быть армия, подумав я! И сказав своей роте: айда до Махна! И – двести верст с боями! И с красными бились, мол, дезертиры, и с беляками. От самой Ольховатки все бои и бои... Думали, не дойдем.

– Постой! – Только сейчас Махно как следует увидел, что кучками на берегу Кальмиуса, разжигая костерки, расположилось целое войско. – Какая ж это рота?

– То из Девятой красной дивизии до нас прибились... и ще от беляков, от Май-Маевского, мобилизованные селяне. Говорят: если уж воевать, так у Махна. Там, мол, хлопцы весело воюють... Так шо в моей роте сейчас, считай, тысячи три...

Нестор улыбнулся:

– От это пополнение! – И сразу же стал серьезным: – А боеприпасы у вас есть?

– Та де там! Штыком пробивались!.. А вы ж за большевиков воюете! Шо ж вони вам из Тулы не подбросять?

– Мы у них, Лёвка, в пасынках, – негромко ответил Нестор.

– Эт-то да! – удивился Лёвка. – Ну а харчи хоть есть? Одежка?

– Шо-нибудь найдем. – Махно обернулся к адъютанту: – Юрко! Пошукай Лашкевича! Пускай забезпечит вновь прибывших всем, чем сможет...

Позже, в штабной комнате, Задов показывал на карте свой извилистый путь:

– Тут вот деникинцы. Корниловский полк Май-Маевского... А тут большевики, втора бригада Девятой дивизии Южного фронта... Коло Ольховатки напоролись на эскадрон шкуровцев. От пленных узналы, шо корпус Шкуро йшов на Гуляйполе, но його развернули на Мариуполь, шоб перекрыть вам путь на Таганрог.

– Ай да Лёвка! Все вызнал, все углядел! Голова! – радовался Махно.

– Так светлый Боженка мне голову высоко посадил, – усмехнулся Задов.

– Ну, иному куда ни посади голову, все равно не выше задницы, – серьезно заметил Черныш, делая пометки на карте после Лёвкиных сообщений. Поднял глаза на Нестора: – Я вот что думаю. Надо нам бои под Таганрогом остановить, только держать оборону. А самим развернуться фронтом к Волновахе. Побьем Шкуро – и на его плечах ворвемся в Юзовку. И дальше – на Славянск.

– О! – обрадовался Задов. – Похоже, з вами будет весело, клянусь Одессой!

Вечером они сидели в хате вдвоем – Нестор и Лёвка Задов. Изредка заглядывала с переменной блуд старая гречанка. Да еще Феня забежала, якобы за зеркалом для Галки. Покрутилась, оглядела могучего Лёвку – и исчезла.

Они чокались, выпивали. Задов мигом расправился с жареной курицей, вытер ладонью рот.

– Шо я хочу тебя порасспросить, Лёва. Скажи, шо тебе в Красной армии больше всего понравилось, а шо нет? – ожидая ответа, Нестор вопросительно смотрел на Лёвку.

– Ну шо... Комиссары сильно душу мотали. Офицерье командует. Выборность отменилы... свободы ни копейки... Мени, скажем, жалованье семьсот рублив положили, а красноармейцам по пятьдесят. Де ж то равенство? Став я свое жалованье с хлопцами дилить. Мене до комиссара: вы шо ж, товарищ, нарушаете порядок? Вновь за анархию принимаетесь? Понизили до комроты. От тогда я и сказав: айда, хлопцы, до дружка моего, до Нестора Махна. Ну, собрались и пишлы. Комиссара отодвинули!

– Как это? – не понял Махно.

– Як-як? Пришиблы! Ты ж мой характер знаешь. Вместе в чекистской кутузке сидели... Деда Сову хоть вспоминаешь?

– Помню. А от песню про него не слышал. Чи й живой?

– Застрелылы. Он цьому Куцу из ЧеКа в рожу плюнув... Хороший був дедок. Анархист чистых кровей! – Лёвка помолчал, выпил чарку. – А я, скажу честно, побоявся смерти. Взяв грех, согласився в их армию...

– Ну, це не грех. Я тоже сейчас начальник дивизии у красных, – усмехнулся Махно. – Когда замерзаешь – до печки тулишься, хоть она и раскалена, и штаны можно присмалить... Я тебя понимаю, Лёва. Но я не про то.

Задов поковырял ногтем старую столешницу:

– Понимаешь, Нестор... чи тебя теперь только батькой называть?

– Як больше нравится.

– Ну, пускай батькой. Привыкну... Так от, батько! Шось не так у красных. Комиссаров понаслалы, ничего не скажешь. Та только шось одних евреев. Грамотных, конечно, но по национальности не всем красноармейцам подходящих.

– Постой-постой, ты ж сам еврей.

– Я – из боевых. Свой. А это – присланные. Грамотни, не спорю. Они в детстве Талмуд учили чи там шо ще... а потом сразу цього... Карла Маркса. Як начнет говорить, у хлопцев ум за разум заходит. Я до члена Реввоенсовета товарища Ходорковского Йосифа Исаевича прорвався. Як же так, кажу, неужели нету для нас другой нации, с православным уклоном?

Он такой бойкий товарищ, в большевики записался раньше, чем срать в штаны перестав. Если вы, говорит мне, красный командир Задов, вносите в наши ряды бациллу антисемитизму, то это у нас, пояснил, расстрельная статья номер один, и пожалуйста бритесь! Какая, спрашиваю, бацилла, если у меня неразбавленная еврейская кровь, чистая, как моча младенца, и вы меня не берите на испуг. Он тогда помягчел: видите, говорит, очень для политической работы не хватает образованных людей, а православная интеллигенция нос воротит от коммунизма, и с нее комиссаров в достатке не получается. А еврейские юноши-самоучки горят желанием, от нищеты своей, построить сплошную справедливость. Ну, объясняю я, это понятно, это я разделяю, но только если какой горящий юноша, не умеющий воевать, а считая Карла Маркса за бога, лезет в бой без страха в надежде на загробный коммунизм, то он, конечно, гибнет от первой глупой пули и теряет всякий авторитет, а красноармейцы получают разочарование. Кто гибнет с толком, тому всегда почет и уважение, а если по дурацости – это удар по боевому настроению... Ну, в общем, понижают меня с командира роты до командира взвода, а потом вертают назад, потому что комсостава тоже нехватка. Ну, я и решил тогда: пойду с хлопцами туда, где нет такого волокитства и живется простодушно, как у Адама с Евой. От и суди теперь, чем мне не нравится Красна армия.

Ставя в разговоре точку, Лёвка так шарахнул пудовым кулаком по столу, что дремавший в сенях Юрко тут же заскочил в комнату, тараща глаза. Махно жестом отослал его обратно. Слушая Лёвку, он думал о чем-то своем, давно назревшем.

– А как ты, Лёва, в анархию пришел, шо у тебя тогда в голове было?

– Хм... – нахмурился Задов. – Ну, ты прямо как товарищ Ходорковский. Вроде как допрашуешь. Добре. Значить, так, народылся в еврейской колонии Веселая, у нас тут, на Катеринославщини... двадцать пять годов назад. У батька було две десятины земли и четырнадцать душ едоков: сами батькы, стари и десять душ дитей... Исак, я, Данька, Наум, Фира, Любка, Катька, Сара, Цива, Аська... – Задов зло сощурил глаз: мол, продолжать ли? И, не встретив возражений, со вздохом продолжил: – Шо толку з двох десятин? Голодовали, конечно. Продал батько землю и подався в Юзовку. Купил там биндюгов, стал железни чушки возить и всяке друге, тяжоле. Здоровый був, вроде как сам из железа сотворенный. И звалы його «Вир». На днiproвских порогах самый первый каминь так звався, страшенно вельчезна каменюка. – Лёвка поднял ручищу с чаркой высоко над столом. Задумался, вспоминая. – Надорвался батько. Поболив недолго, и помер. А я в пятнадцать годов пошел на мельницу мешки тягать, тоже крепким хлопцем був. Потом в доменный цех, каталем. Положить в тачку пудов двадцать – везу... Як-то мастер за шо то меня облаяв, ще й ударыв. Ну, я йому ответ дав. Мени в полсилы сылы бы, а я... Мастер на инвалидность, а я – в тюрьму. Там з анархистамы связався. Выйшов з тюрьмы, стал бомбы кидать... Ну...

Лёвка неожиданно выпрямился, с обидой и гневом спросил:

– Ты меня в чем-то запидозрюешь, чи шо? Шо ты заставляешь мене споведуваться?

– Сядь! – сказал Махно. – Сядь, Лёва!

Некоторое время они смотрели друг на друга, и в этом молчаливом поединке взглядами Нестор победил. Лёвка еще какое-то время крутил в руке пустую чарку, потом с силой поставил ее на стол.

– Не сердись, Лёвка, – сказал Нестор. – Я к тому спросил, шо хочу рекомендовать штабным, щоб выбрали тебя начальником разведки и контрразведки. От нее, сам понимаешь, во многом зависит наша жизнь.

– Да ты шо!.. – смутился Лёвка. – Тут же ум нужен, грамотешка... а у мене два класса хедера. В слове больше ошибок делаю, чем в нем буквов...

– Ум од классов не зависит, Лёва! Паны считали нас, беднякив, дураками и крепко про считались. Так шо отсыпайся, и завтра – на нову работу.

Утром в Саргане возле штаба собрались конная группа Каретникова и полк тачанок Фомы Кожина. Черныш и Нестор проехали на лошадях вдоль строя, дали последние наставления. Озеров выдал командирам оперативные предписания.

– Волноваху брать с ходу, хлопцы! – прокричал начальник штаба. – Пока они думают, что мы под Таганрогом застряли...

– У меня из двадцати пулеметных тачанок только две с лентами! – ответил Кожин. – А остальные куда? Под нож Шкуро?

– Остальными пугать будешь! – сказал Нестор. – Волноваха – узел! Кто первым его розвяжет, тот и в Юзовке первым будет! А у кого Юзовка – у того и Донбасс! Лёвка! – позвал он Задова. – Поезжай с тачанками на Волноваху. Может, где по пути боеприпасами разживешься? Ящик «казенки» выставлю за ящик патронов!

Махновская бригада покидала Саргану, выползала на древний шлях. Двигалась вдоль железной дороги, ведущей к Волновахе...

Уже на подходах к Волновахе кавказские казаки генерала Шкуро схватились с махновской конницей Каретникова. За отчаянной рубкой следили Нестор и Черныш. Увидели, как на холмы стала наплывать новая волна шкуровцев, мощным потоком стекалась к месту схватки... Расходились, охватывая фланги.

– Давай, Фома! – тихо приказал Нестор.

– Хлопцы! – закричал своим тачаночникам Фома Кожин. – Выдвигайся на позицию... У кого боеприпас есть, пристрелочно, по двадцать патронов!..

...Тачанки появились в окулярах бинокля шкуровского штабиста.

– Ваше превосходительство! – заорал штабной. – Андрей Григорыч! Пулеметные тачанки!.. Одна, другая... Да до чорта их!

– Скачи, поверни конницу! – скомандовал Шкуро. – Не хватало мне еще своих казачков положить под пулеметами Махна!

Штабной пустил коня в намет по склону холма, догоняя сотню...

...Дед Правда наблюдал за ним из-за щитка пулемета. Отливали серебром погоны на черкеске шкуровского штабиста, поблескивали посеребренные газыри...

– Фома! – закричал дедок. – Дозволь, я офицерику срежу! Красивый офицерик!

– Не надо! – ответил Фома, прищурившись за своим пулеметом. – Счас каждый патрон дороже того офицерика. А ну как отбиваться придется?

Но шкуровские всадники начали поворачивать. И даже те, что были в рубке, под разбойничьи посвисты командиров тоже стали выходить из боя.

– Похоже, драпают! – процедил сквозь выщербленные зубы Фома. – Все! Считай, станция наша!

Станция Волноваха оповещала о себе сбитой набок простреленной вывеской, порушенной водокачкой, штабелями шпал, которые недавно были огневыми точками.

Махно, соскочив с коня, пошел по перрону. Следом за ним неотступно следовал Юрко.

В разгромленном станционном буфете уже суетились Черныш, Озеров и остальная команда. Приспосабливали помещение под штаб.

– Шкуро отходит к Анадолю, – сообщил Черныш. – Но если назад поперет, отбиваться будет нечем.

Нестор кивнул и пошел осматривать зал ожидания. Открыл какую-то дверь. Перед ним вытянулся по стойке «смирно» телеграфист.

– Связь с Крымом есть? – спросил Нестор.

– Вроде аппарат не успели поломать. Попробуем.

– Стучи! «Симферополь, начдиву Дыбенко по месту нахождения. Вверенная вам Третья бригада, исполняя революционный долг и неся тяжелые потери, заняла Волноваху. Крайне нуждаемся в боеприпасах. Жду у аппарата. Батько Махно».

Он уселся у окна, стал наблюдать, как оживает еще несколько минут назад безлюдная станция. Громокая сапогами, прошел взвод бойцов. Появились, осторожно оглядываясь, местные жители. Паровоз протащил несколько платформ с трехдюймовками. На ходу с подножки соскочил Павло Тимошенко.

– Артиллерия приехала, – сказал Нестор подошедшему к нему Чернышу.

– А что в ней толку? Без снарядов.

Начал стучать аппарат Юза.

– Есть связь! – обрадовался телеграфист.

Нестор принял ленту, зачитал Чернышу:

– «Волноваха, батьке Махно. Боеприпасов для вас не имею. Но располагаю достаточным количеством веревок и фонарных столбов. Надеюсь на скорую встречу... Генерал Слащев... Это шо ж получается? Дыбенко ще не взял Симферополь?»

– Может, город переходит из рук в руки? – предположил Озеров. – Обычное дело на войне.

Махно медленно прошелся по залу ожидания. На добротных дубовых скамейках, на соломе, брошенной на каменный пол, лежали раненые махновцы. Слышались стоны. Между скамейками бродили медсестры и Галина Кузьменко. На них были накинуты, за неимением халатов, белые простыни.

Двое пожилых селян пронесли мимо еще одного умершего. Положили в темном углу рядом с еще несколькими мертвыми махновцами.

Галина подошла к Нестору. В руках она держала глиняный глечик.

– Вот, Нестор! – сказала она. – Это все наше лекарство. Вода. И ничего больше.

Махно не ответил, пошел дальше. Вышел на перрон.

Распахнулось окно, в него выглянул телеграфист:

– Батько! Опять Симферополь! – прокричал он.

Нестор подошел к окну.

– Ответь ему: «Буду рад встрече в Крыму. С почетом повешу на кипарисе».

– Та это не генерал Слащев! – Телеграфист протянул бумажную змейку.

– «Командиру героической третьей бригады батьке Махно. Симферополь занял. Юзограмму получил. Последними матерными словами потребовал от саботажника Команджфронтом Гиттиса помочь боеприпасами. Начдив Дыбенко».

– Выбил-таки Дыбенко Слащева! – Махно передал ленту Чернышу. Пошел по перрону. Его догнал Задов.

– Ты погляди, Нестор, шо творится! – начал он возбужденно докладывать. – На наших глазах беляки два товарных вагона угоняют!

– Как это – угоняют? Какие вагоны?

– Те, шо стояли у выходного семафора... Гляжу, хто-то копошится. А оны, заразы, паровоз из Анадоля пригнали и втихую пидцепылы... Може, там боеприпасы?

– Так куда ж ты смотришь? Доганяй! – рассердился Нестор.

Десятка три конных помчались вдоль насыпи. А впереди, раскачиваясь и скрипя, катились два невзрачных товарных вагона. На задней площадке, близ штурвала ручного торможения, не без страха следили за погоней несколько казачков.

Махновцы постепенно приближались к поезду. Маломощная «овечка» еле-еле тащила короткий состав по извилистому, давно не отремонтированному пути.

Из паровозной будки высунулся офицер, увидел погоню, закричал машинисту:

– Быстрее! Быстрее!

Мокрый от пота кочегар кидал в топку дрова. Машинист с виноватым видом оправдывался:

– Паршивые дрова, сырые, ваше благородие! Осина!.. Пару мало!

На тормозной площадке казаки оцетинились стволами винтовок, а у младшего урядника появился в руках «льюис», который он установил прямо на деревянное ограждение тормозной площадки. Помощник вставил увесистый диск.

Передние, самые лихие хлопцы Каретникова, неумолимо приближались к составу.

– Дашь «тульскую пшеницу»! Дашь боеприпас!

Застучал ручной пулемет. Очереди были длинные, не экономные. Упали передние конники. Но вагон мотался, сбивал прицел... На площадке стали менять диск...

Дикая война! Смертоносная схватка за патроны, которые нужны, чтобы убивать!

Лёвка Задов и Махно тоже участвовали в погоне, но постепенно стали отставать. Низкорослый Лёвкин конек, отягощенный семипудовым телом, сбавляя ход, обходил препятствия, возникающие на его пути. Это были тела людей и лошадей. Кое-кто еще шевелился, пытался встать.

Уцелевшие всадники Каретникова уже вцепились в поручни подножек, воспользовавшись тем, что у льюисиста заело подачу в новом диске. На площадке началась возня. Кто-то полетел под откос.

Сам Каретников помчался вперед, к паровозу. За ним последовало еще несколько хлопцев. Офицера, который отстреливался из револьвера, сняли пулей из карабина.

– Давай контрпар! – перепрыгнув на подножку, закричал Каретников машинисту. Перепуганный насмерть машинист стал остервенело крутить реверс. Поезд замедлял движение...

Громыхнула раздвижная вагонная дверь, внутрь ворвался свет. Кругом стояли ящики с заводскими надписями. Один из ящиков был разбит, желтая медная россыпь поблескивала на дырявом полу.

– Па-атро-оны!

Так не кричат даже в безводной пустыне, увидев живительный источник. Хлопцы прямо с коней перепрыгивали в вагоны. Сколько радости было на их лицах!

Махно и Задов догоняли замедляющий бег поезд.

– Батько, патроны!..

Встав на стременах, Махно тоже ловко запрыгнул в вагон. Осмотрелся.

– Не густо, конечно!.. – не слишком обрадовался Нестор. – При хороших боях нам в день подвод двенадцать боеприпасов надо. А тут... но все-таки...

Кто-то из бойцов вдруг обнаружил спрятавшегося за ящиками офицера.

– Дывысь, батько! Ховався, гад!

Офицерик был худой, испуганный. На рукаве добровольческий шеврон уголком, но погоны, однако, «химические».

– Ще й з орденом, зараза!

Нестор присмотрелся к «ордену». На значке была змея, обвившая чашу.

– Ты шо, лікарь?

– Пол... полковой врач в бригаде Ш-шкуро, – испуганно ответил офицерик. – Нед... недавно мобилизован!

– Хлопцы, это ж то, шо нам надо! – радостно воскликнул Нестор и обратился уже к доктору: – Жить хочешь?

– М-можно.

– Будешь служить у батька Махно! Только не вздумай сбежать! Под землей достану!

– А чего бежать? Мое дело людей лечить. Не белых или там красных. Людей.

– Такие твои слова мне в общем-то нравятся... Не пойму только, чего у меня доктора не задерживаются? – спросил Махно. – Я ж до их хорошо отношусь. Врачей там, учителей – уважаю. Полезные люди. А чего-то не задерживаются. Убегают.

– Потому и не задерживаются, что вы людей делите на полезных и неполезных, – сказал осмелевший врач и дрожащими пальцами взял у одного из махновцев заботливо свернутую и даже уже зажженную сигарку. – Вы ж неполезных, я слышал, уничтожаете.

– Уничтожаем эксплуататоров, всяких законников, судей, прокуроров, панов, офицеров... А шоб докторов – такого не было.

– Ну а доктор, он из какого сословия? Может, у него брат или отец в священниках, или в тех же юристах... или в панах, в офицерах... Люди разные. А вы всех сводите к сословиям. Чужие они для вас. Вот и не уживаются...

– Вредные твои речи, – покрутил головой Махно. – В другое время поспорил бы, а сейчас, за неимением времени, просто скажу: вредные.

Состав лязгнул и остановился.

Хлопцы внесли, передавая друг другу, нескольких раненных во время погони.

– Кой-кто ще дыше! – прокричали с насыпи.

Вновь лязгнув буферами, состав покатился назад, к Волновахе.

– Лечи, лекарь! – бросил Махно.

Шкуровский врач полез за ящик, достал саквояж, щелкнул замочком, открывая россыпь блестящих инструментов, пузырьки. Склонился над окровавленным махновцем. Товарищи раненого, искоса следя за работой доктора, набивали патронами винтовочные обоймы, матерчатые пулеметные ленты...

Глава пятая

Гуляйполе оправилось после налета «волчьих сотен» Шкуро. Люди научились жить и во время Гражданской войны, когда власти менялись чаще, чем погода. Село приобрело почти праздничный вид. Черные знамена, привычные анархические лозунги. Над кирпичным зданием заводского театра Кернера вывесили транспарант-растяжку: *«Анархический привет предстоящему Съезду вольных Советов селян, солдат и рабочих Левобережья»*.

Дату съезда никак не могли назначить. Все зависело от Махно, без которого съезд никто не мыслил. А Нестор не мог покинуть Донбасс: в районе Волновахи и Юзовки продолжались вялотекущие бои, и перелома пока не могла добиться ни одна из сторон – ни белые, ни красные, к которым со своей дивизией примкнул Махно.

В Гуляйполе со всех окрестностей съехались посланцы сел и коммун. Даже с фронта Нестор отпустил многих своих черноговардейцев, и, впервые за последний месяц отмывшись и принарядившись, они наслаждались миром и тишиной. Звучали шутки, смех. Возле театра скопились брички, телеги, линейки и украшенные весенними степными тюльпанами тачанки. Довольно миролюбиво смотрелись на них пулеметы, установленные на застеленных коврами сиденьях. Лошади монотонно кивали головами, в их сбруе тоже торчали цветы. Отмытые, вычищенные бока лошадей лоснились: успели откормить.

Село по случаю предстоящего съезда напоминало ярмарку. Такое сходство придали Гуляйполю торговцы, которые вывезли на Соборную площадь свои нехитрые товары. Появились и цыгане с медведем, и даже шарманщик – с предсказывающим судьбу попугаем. Девчата кидали в перевернутый соломенный бриль медяки, попугай выдавал им билетки. Всем везло: «скорое свидание», «интересное знакомство», «счастливое замужество», «достаток в доме». Пахло мирным временем. Повстанцы привезли с собой немалые трофеи, деньги, платки, отрезки материи, сапожки... Война раздевает, война и кормит.

Вооруженные люди ходили кучками. Девчатки угощали их жареными семечками. Выздоровливающие махновцы выбрались из хат и лазарета на солнышко и, сидя на скамеечках, высивали среди приехавших с фронта знакомых однополчан.

Тимош Лашкевич, которому Махно поручил заниматься организацией съезда, весь день носился по селу на тачанке, улаживая последние дела.

– Ну шо, Тимош? Когда батько прибудуть? – спрашивали его делегаты, едва он где-то приостанавливался.

– Скоро! Ожидаем! – неопределенно отвечал он.

Но вот он наконец сообщил:

– Батько выехав з Волновахи. З часу на час буде! Так шо займайте места, бо вси не помистяться.

У входа в театр встали часовые. Больше для порядка, поскольку никаких пропусков или мандатов ни у кого не было, они никого и не проверяли.

Делегаты потянулись к входу, усаживались, переговаривались, курили. Вскоре в зале дым плавал подобно туману.

Ждали Махно. Чтобы как-то заполнить это время, Тимош вывел на сцену девчат в нарядных платьях, в лентах и монистах, в красных сапожках, и они запели всем известные народные песни.

Бабы и девчата, потерявшие кормильцев, женихов, мужей, сидели в сторонке в черных платках, старались не мозолить глаза своим печальным видом. К похоронным вестям уже стали привыкать, не голосили на все село.

Гуляйполе переживало свой звездный час. Война, смертные весточки «с фронтов», волнение. Но люди были еще достаточно сыты, сносно обуты и одеты, оснащены всем трофейным и верили в близость невероятного прекрасного будущего.

Над шляхом, над степью, над станцией звучали душевные украинские песни.

На станцию Гуляйполе прибыли одновременно два поезда. Один из Бердянска или Волновахи, второй – с севера, из Екатеринослава или Лозовой.

Северный поезд, как обычно, привез толпы голодных людей, мешочников, рвущихся, несмотря на военное время, на более сытый юг, на хлеба. А поезд из Волновахи был литерный: паровозик да один классный вагон.

Из классного вагона первым выскочил Юрко Черниговский, за ним еще несколько хлопцев охраны, Сашко Лепетченко, Лёва Задов, а затем – мрачный, насупленный, уже осознающий и свое особое положение, и тяжесть ответственности батько Махно. Последней на насыпь спустилась Галя Кузьменко, легкая, подвижная, в кожаной курточке и, как и все, перепоясанная ремнями. Ее закадычная подруга Феня тоже получила короткий отпуск и вместе с ней приехала в Гуляйполе.

Из вагона северного поезда вместе с селянами и торговцами вывалились пятеро явно городских людей, одетых бедненько, но совсем не так, как обычные пассажиры. И поклажи при них не было, так, портфельчики, саквояжики, сумки через плечо. То ли делегация, то ли гастролирующие артисты.

Это были отцы-теоретики московской «бумажной» вольности, члены Союза идейной пропаганды анархизма. Вместе с ними приехал и гравер секретного отдела большевистского ЦеКа Зельцер, выдавший некогда фиктивную справку Нестору о его учительстве. Был с ними и еще один залетный гость, с полуседыми длинными прядями волос, заброшенными за оттопыренные, варениками, уши. Всеволод Волин, человек ученый и блестящий оратор, верный слуга всемирной анархии.

– Ну и куда теперь? – спросил Сольский у Шомпера.

– Ты меня спрашиваешь? Я здесь тоже первый раз.

– До Гуляйполя отсюда верст пять, – ответил за Шомпера Аршинов. – Надо нанять извозчика.

– А на какие, пардон, деньги? – недоуменно спросил Сольский.

– Господа... Простите, товарищи! – обратился к ним Зельцер. – У меня есть деньги.

– А какие здесь ходят? – спросил Сольский.

– У меня есть всякие, – ответил Зельцер, усмехаясь. В руке он держал увесистый чемоданчик. Похоже, именно там и были «всякие».

Компания почти наткнулась на группу, окружившую батьку Махно.

– Куд-да? – осадил их вооруженный Юрко. Он осмотрел их с ног до головы, успокоился. – Идти через путя... Не мешайтесь тут.

Не заметив Махно, фигуру которого заслонял громоздкий Задов, москвичи повалили на станционную площадь. Здесь Нестора ждали несколько обычных и две пулеметные тачанки. Возле них – с полдюжины вооруженных конных. Степан и Гнат Пасько сидели на передках пулеметных тачанок.

– Простите, вы свободны? – обратился к Степану близорукий Шомпер.

Степан не сразу сообразил, в чем суть вопроса. От таких слов он уже отвык. Или не привык.

– Идти туда, там брички та возчики, – махнул кнутом Степан, указывая на другой край площади.

Провожая взглядами москвичей, конные смеялись.

– Наверное, артисты, – сказал один. – Може, опосля шось съезду представлять будуть.

– От того, маленького, я вроде в Катеринослави в цирки бачив. Эклибрист чи... чорт його знае... якийсь фокусник, – пояснил второй.

– Хорошо б шось комическе показали... посмяться трохи, – сказал мрачный Пасько.

Пока «артисты» осматривались, группа во главе с Нестором появилась у экипажей. Махно не сразу узнал бредущих по привокзальной площади своих давних приятелей, с которыми провел не один год в камере. И они тоже не в одночасье признали тюремного побратима в перетянутом ремнями человеке, с шашкой на боку и маузером, с папачкой на длинных лохмах.

– Нестор! – первым произнес Аршинов и бросился навстречу другу. Но тут же наткнулся на массивную фигуру Задова, рядом с которым так же мгновенно вырос Юрко.

– Шо вам? – угрюмо спросил Лёва.

Но Нестор сразу узнал своих односидельцев. На его лице появилась улыбка, открытая, по-детски простодушная.

– Отойди, Лёвка, не заслоняй! – сказал он. – Это братья мои!

И он бросился к москвичам, стал с ними обниматься. Только Зельцеру, присматриваясь, подал руку.

– Постой, ты же этот... ну, шо документы мне в Кремле делав. А ты чего приехал?

– Документы делать, – ответил Зельцер. – Вы ж тогда, в Кремле, сказали, что такой, как я, вам нужен.

– Нужен! Конечно, нужен! У тебя тут работы будет, як у крестьянина в косовицу!

Представили Волина.

– Помню, как же! Ихнюю лекцию слушал. Сильно умственная была лекция. Не все сразу понял.

Они стояли, радостно похлопывая друг друга, переговариваясь, перебивая один другого.

– От здорово! Вы как раз к съезду приехали! – радовался Нестор. – Нам культурных работников во как не хватает, – провел он ребром ладони по горлу. – Шоб знающие были анархисты. А у меня и культурой и пропагандой одна моя Галка занимается! Но она сильно воевать любит. А надо ж и газету выпустить! И с лекциями по селам! Чи на том же съезде шото серьезное сказать...

– Я могу на съезде выступить! – предложил Зяма Сольский. Он был взволнован дорогой, степью. – У меня даже начало речи уже созрело! Как раз для селян, про землю... Революционные стихи Федора Соллогуба. – Он поднял руку вверх, обвел ею степные просторы, расстилавшиеся по обе стороны дороги, и, раскачиваясь в такт словам, едва ли не пропел: – «Производительница хлеба! Разбей оковы древних меж! И нас, детей святого неба, простором вольности утешь!»

– Хорошие слова. Но ты их, брат, побереги для харьковских интеллигентов, – сказал Аршинов. – Они там действительно «дети святого неба».

Махно рассмеялся:

– Ой, братья! Пускай будут и стихи. А то у нас тут одна кровь, да патроны, да шашки... Зяма, а где ж твои? Ну, Фима и эти... дочки?

– Работают в советских учреждениях, – ответил Зяма. – Одна в «Главмасле», другая в «Главспичке». А меня они выгнали, как собаку. «Нетрудовой элемент!» А я же их приютил... Но, честно скажу, мне там тесно было, тесно! Здесь – воля! Свобода! Я чувствую, что рожден для галопа в степи, для жестоких схваток! – Он резко оттянул ворот рубахи, словно хотел его разорвать.

Они ехали в переполненных бричках и тачанках, чему-то смеясь и весело перекликаясь. Уже не заря махновского анархизма на приднепровских землях, но еще и не вечер и тем более не закат.

– А ну, Зяма! – прокричал Нестор, – Давай еще про «детей неба»...

Сольский встал и, раскачиваясь на тряской дороге, вновь залился:

– «Производительница хлеба! Разбей оковы древних меж...»

Все снова засмеялись. Даже угрюмый Пасько. Лошади бежали наперегонки, селяне на встречных телегах сторонились.

– Батько поехал, – оглядываясь, сказал один возчик. – Бачь, делегация якась... Уважають!

– Высоко взлетив батько, – согласился другой селянин.

В театре зазвучали аплодисменты, когда в зале появился Нестор. Хотя не в привычке селян хлопать в ладоши – чаще в знак восторга они топают сапогами или орут что-либо поощрительное. Сейчас же и хлопали, и топали, и орали...

Нестор поднялся на сцену, на ту самую сцену, где когда-то появлялся в роли Красной Шапочки. Он поднял руку, дожидаясь, когда стихнет зал.

– Спасибо вам, товарищи, за такую встречу. И за то, шо, как я узнав, предложили мне возглавить высший орган нашей свободной земли – исполком Военно-революционного Совета. Но, скажу по правде, я ни званий, ни должностей не ищу. Сильно занят на войне, в гору глянуть некогда. Деникин и его генералы, Май-Маевский, Шкуро зараз дуже сильные, и силы их с каждым днем пополняются. Если поддадимся – через неделю опять будут они в нашей столице, в Гуляйполе. И не налетом, а крепко сядут нам на шею. Что из этого проистекет, не мне вам говорить. Офицерье на нас дуже злое, но и мы, конечно, их не милуем. Война лютая... Но, скажу я вам, наша бригада не сдастся, а тоже своим порядком пополняется. До нас пристають и белые солдаты, которые из бедняков, и красные, и нас сейчас на фронте под пятьдесят тысяч!..

Зал бурно обрадовался этому заявлению Махно.

– Не, товарищи, радоваться тоже нема причин, – чуть выждав, продолжил Махно. – Потому шо потери у нас страшные. Плохо с боеприпасами, часто приходится биться штыками и шашками... Сто человек приходит, а двести в землю ложатся, такая печальна арифметика. Тем более что в лазаретах нема лекарствий, не хватает лекарей. Смерть гуляет с косою, как на сенокосе!

– Так ты бережи людей, Нестор! На то тебя и батькой назначили! – перекрывая наступивший после слов Махно шум, прокричал седоусый делегат. – Кто ж хозяйнувать будет, когда наступит мирна жизнь? Не губи наших сынов, батько!

Нестор только вздохнул в ответ. А что тут скажешь? Пообещать, что не будет он губить своих бойцов? Но разве был в зале хоть один человек, который бы не понимал, что война – самая урожайная пора у старухи с косою. Тем более война между своими.

Поднявшийся из-за стола Каретников взял короткое слово:

– Я, товарищи, от шо хочу сказать. Батько Махно сам ходит с нами в бой и мог уже не раз голову сложить, як и любой наш боец! Потому он имеет право сказать ци тяжоли для всех нас слова... Он не отсиживается в штабе, честно доложу вам, хочь командуе не бригадой и не дивизией, а порою даже целой армией. Це, конечно, если считать по штыкам, саблям, пулеметам и все такое. Так шо вы не имейте огорчения, мы и сами от смерти не ховаемся!..

– Знаем! – раздались выкрики из зала.

– В бою встречаемся!

– Не раз в штыкову вмести з батькой ходылы, бачили!

– Батько и с шашкой, як вси, и за чаркой то же самое. Яки претензии?

– Товарищи! – взглядом посадив Каретникова на место, вновь заговорил Нестор. – Ввиду острой нехватки личного состава, прошу вас проголосовать за объявление добровольной уравнительной мобилизации по всем нашим уездам.

– «Добровольна», «уравнительна». Це ж як понимать, батько?

Теперь поднялся из-за стола Тимош Лашкевич, протер запотевшие окуляры. Посмотрел в бумаги.

– Я расскажу... Это означае, шо каждое село добровольно дае в армию бойцов согласно тому, сколько мужчин проживае и сколько воюе. От возьмем, для примеру, Звенигородку. Из

шестисот молодых мужиков она дала в армию только двадцать пять человек. А та ж Новоспасовка з восьмисот дала двести шестьдесят... И ответ в задачке простой: звенигородцам надо проявить больше революционной сознательности, добровольно подравняться хоть бы на ту ж Новоспасовку.

– А если не проявят? – выкрикнул кто-то из зала. – Какое наказание?

– Товарищи, мы ж не царская бюрократия, – вновь заговорил Махно. – Мы насильно рекрутов не гоним. Мы не власть, а как бы сказать, сознательная анархия. Наказанием будет наше общее выражение позора и революционного презрения...

– Замуж звенигородских дивчат больше не брать! – выкрикнул молодой делегат. – А ихним сватам будем гарбуза выносить!..

Зал ответил хохотом.

– А цилуваться з ихнимы не возбраняється?

– Нагайкы ихним хлопцям всыпать, може, образуються... ну, визмутуться за ум?

Дети!.. И смех, и смерть гуляют рядом. Но – все нипочем. Даже серьезным седым делегатам.

– Голосуем! – прокричал Лашкевич. – Кто за таку мобилизацию?

Поднялся лес рук.

– Единогласно... Товарищи! – Голос Лашкевича зазвенел. – До нас сегодня прибула делегация из самых видных представителей московского анархизма! Попросим их сюда, до нас!..

Зал выразил свой восторг неимоверным шумом. Аршинов, Сольский, Волин и Шомпер поднялись на сцену, смущенные столь бурным выражением адресованных им чувств. Зельцер попытался остаться в зале, но Шомпер вернулся и притащил его за руку.

– Можно, я скажу? – прошептал на ухо Аршинову Сольский.

– Лучше помолчите, Зяма, – ответил ему стреляный воробей Аршинов. – Непростая аудитория. Им не стишки нужны, а надежда.

Он вобрал побольше воздуха в легкие, словно собрался нырять, и громким митинговым голосом перекрыл шум:

– Товарищи по борьбе! Мы – не делегация...

Зал сразу примолк.

– ...То есть мы не просто делегация. Мы – ваши московские братья, которые приехали к вам, чтобы вместе воевать за волю, потому что именно ваше Гуляйполе и его герои дают сегодня всему миру капитала пример практического строительства анархизма как самого справедливого общества, несмотря на тяжелые условия войны... Мы – навсегда с вами!

Зал зашумел. Шомпер, Сольский и Зельцер, истинные московские интеллигенты в отличие от Аршинова, вначале несколько растерявшиеся при виде этой смолящей свирепые самокрутки, харкающей, надрывно кашляющей, гремящей оружием аудитории, вдруг тоже почувствовали себя триумфаторами.

– Вы, братья, стали передовым отрядом мировой анархии, маяком вольности и безвластия!.. – продолжил Аршинов.

И снова – рев и стук, пушечные удары крестьянских ладоней слились в канонаду.

– Будущее принадлежит нам, анархистам! – заверил делегатов Аршинов. – Наши союзники большевики, с которыми мы вместе делали революцию, а сейчас вместе бьемся с панами и офицерем, показали, что они унаследовали худшие традиции царской власти! Аппарат насилия остался тем же! Изменились только названия: полицейский стал милиционером, жандарм – чекистом, чиновник – комиссаром... Изобретенная лакеем буржуазии Керенским подразверстка стала беспощадным оружием в ограблении вольного крестьянства. Хуже того, нам хотят навязать новое крепостное право! Загнать в подневольные хозяйства, назначить нам начальство!

По залу прокатились возгласы возмущения: «Позор!», «Стыдобища!», «Геть красножопых!»... Аудитория – благодарнее не придумать! Дети...

– Но это доказывает лишь одно: большевизм в конце концов рухнет, и над всей Россией, а потом и над всем миром, как сейчас в Гуляйполе, поднимется черное знамя свободы и воли!..

Полнейший успех «московской делегации» выразился в том, что к сцене один за другим подбегали делегаты, жали руки, просто пытались дотронуться до Аршинова, Шомпера, Сольского, Волина, Зельцера... Московские умы! Светочи! Не какие-нибудь там доморощенные теоретики!..

Вечером в имени пана Данилевского, в штабной комнате, стол был заставлен давно не виданной москвичами снедью и невероятным количеством бутылок, в том числе даже с шустовским коньяком, прихваченным на складах Мариуполя. Заканчивалась неофициальная часть встречи.

Сильно подвыпивший Зяма Сольский встал с чаркой в руках.

– Я счастлив! – произнес он со слезами на глазах. – Я счастлив! – И почти упал замертво, как от пули. Его тут же уволокли в одну из комнат и уложили на пышно взбитую перину. Тут это дело понимали.

Махно и Задов были, конечно, куда крепче московских гостей, и лишняя чарка для них – не пуля. Впрочем, один из московских гостей, молчаливый Зельцер, тоже держался молодцом. Втроем в углу стола они шептались.

– И шо, любую печатку можешь? – спрашивал Задов.

Зельцер открыл свой чемоданчик. Инструментов здесь было – как у хирурга. Штихели, бауммессеры, пинцетики, резиновые и березовые заготовки, а также образцы изделий: бланки, удостоверения, даже денежные купюры, включая большие, как носовые платки, русские «катеньки» и «петеньки».

– Шо, и гроши можешь?

Зельцер только усмехнулся.

– Ну а, скажем, типографське дело? В походе?

– «Бостонку» достанете – свободно. На телеге возить можно.

Махно и Задов переглянулись: золотой человек!

– А шо ж ты от большевиков ушел? – поинтересовался Махно.

– Так бюрократы... Селедочный паек... В семь на работу, в восемь с работы... И никакого творчества, свободы... Я же из анархистов к ним пришел! Можно сказать, на революционный огонек из-за границы прилетел! Был членом Американской федерации анархистов. Вот!

Зельцер достал из того же чемоданчика справку.

– Ну, справки ты нам не показуй! – добродушно пробасил Задов. – У тебе там небось есть и справка, шо ты – апостол Петро?.. Мы на тебя в работе поглядим, якый ты анархист!

Тем не менее он взял из зельцеровского чемоданчика большую сторублевую «катеньку», долго рассматривал ее на свет, поднес к керосиновой лампе. В восхищении покачал головой:

– Красыво зроблено! Мастер!

Нестор вернулся в свою комнату далеко за полночь. Галина, услышав его шаги, поднялась: спала она почти одетая, с револьвером на поясе, только сапоги стояли возле кровати. Подкрутила фитиль лампы: огонек разросся, осветил внутренность комнаты, мало чем изменившейся с тех пор, как Нестор жил здесь с Настей. Повалился на постель.

– Галь! Неси холодную воду, рушник. Голова...

– Выпил много?

– Не... Тяжелый день, шо-то голова пошла кругом.

– Надо было контузию вылежать! – строгим голосом «учительки» сказала она. – Теперь будешь мучиться...

Галина наложила на его лоб мокрое полотенце.

– Не пойму, мы с тобой муж и жена или только боевые товарищи? – спросила она.

– Эх, Галка! Сам хочу мирной жизни, – произнес Махно. – Подожди трошки, все образуется. – Он помолчал немного, вновь заговорил: – Я, Галя, всех этих москвичей до тебя в агитпроп зачислю... Не! Пусть будет Культполитпросветотдел! Такого у большевиков нема! Один Волин чего стоит! Профессор, не кто-нибудь! Пускай нам пропаганду налаживают... Понимаешь, я давно понял, шо воевать только одним оружием – мало. Надо, шоб и слово участвовало. Говорят, слово может убить. Я, Галя, тоже знаю, шо слово может быть грозным оружием. От и пускай налаживают...

Нестор закрыл глаза.

– Ты меня до света разбуди, – попросил он.

– Куда ж ты? Отдохнул бы хоть день.

– Ты отдохни, разрешаю. Женщина все ж таки. А я... я в Волноваху. Там бои. Там я нужен.

– Боюсь я большевиков, – вздохнула Галина.

– Нема у нас, Галочка, других союзников, чтоб против эксплуататоров разом итти, – сонным голосом произнес Нестор. – И потом! Что такое настоящая война, я только сейчас понял... Небольшая у нас армия, а двенадцать подвод боеприпасу в день хоть удавись, а достань. Как если б в завод: угля не подали – гаси печи. Так и тут... А с большевиками договоримся. Они поймут. Жизнь научит. Придет мирный час, Галочка... Придет...

И он уснул, ощущая блаженный, успокаивающий холод полотенца.

«Ку-ку! – вскрикнула кукушка из своего оконца на размалеванных мальвочками ходиков. – Ку-ку!» Она словно издевалась над таким счастливым, политически выдающимся для дела мировой революции днем.

Впрочем, не для всех этот день был лишь политическим событием. Лёва Задов и Феня оказались в зале рядышком. И потом решили посидеть уже не в зале, а на улице, на какой-то чудом сохранившейся возле старой мазанки скамейке. Над ними нависала отягощенными ветвями большая старая черешня.

Подняв руку, Феня нащупала уже созревшую ягоду, протянула ее Лёвке. А тот, добродушно и басовито возражая, отдал ее Фене обратно как ответное угощение. Этот силач и жестокий боец казался сейчас безобидным увальнем. Феня сразу обратила внимание на этого огромного человека с плечами и шеей циркового борца. Но причина интереса заключалась, конечно, не в могучем сложении нового начальника разведки и контрразведки, а в его какой-то неподходящей для этой должности наивности и простосердечии. По крайней мере, Феня именно так его воспринимала.

Хохотушка и красавица углядела в Задове верного, надежного человека, настоящую опору. Но ни о чем серьезном не говорила, а, в соответствии с правилами игры, смеялась, задавала глупые вопросы, а потом, зная воздействие своего не сильного, но очень верного и переливчатого голоса, тихонько спела Лёвке несколько красивых малороссийских песен.

И еще тем понравился Фене новый махновский командир, что не приставал, как иные хлопцы, ссылавшиеся на торопливое военное время, не лез куда не надо. Он держал ее руку в своей тяжелой горячей ладони и лишь вздыхал.

Видела, чуяла: великан сражен наповал.

Глава шестая

Через день-два в партийные, правительственные, военные, чекистские организации Харькова и Москвы поступили короткие отчеты о состоявшемся в Гуляйполе съезде повстанцев-анархистов батьки Махно. Как официальные, опубликованные в анархистских газетах, так и конфиденциальные, тайные, поступившие от агентов. Впрочем, махновцы ничего не скрывали: среди участников съезда были и большевики, и левые эсеры. Лишь «буржуазные партии», которые не только не признавались, но искоренялись в самом простом, расстрельном смысле слова, не имели своих представителей.

«Махно присутствовал на съезде один день и отбыл на фронт. Против большевиков открыто не выступал, но и не давал отпора резким антипартийным выпадам. Долго аплодировал выдвинутому гр. Клочко (возможно, псевдоним?) лозунгу: “Долой комиссародержавие”».

«Антисемитских заявлений не было. Напротив, зал бурно приветствовал прибывших из Москвы анархистов-коммунистов, преимущественно евреев по национальности...»

«Провозглашалось: мы за Советы, но вольные Советы, без большевиков, без какой-либо диктатуры. Диктатура пролетариата осуждалась воинственно и даже злобно подавляющим большинством. Высказывались предложения о создании анархической республики на большей части Екатеринославщины, где будет установлен безвластный порядок и куда не будут допущены большевики».

«В выступлении некоего Самохина было четко сказано: «Я прибыл к вам с севера, где уже прочно захватили власть узурпаторы-большевики». Раздавались призывы ликвидировать «чрезвычайки», «чека» и содать взамен народные, военно-революционные трибуналы, где правом голоса должен обладать каждый участник анархического движения».

«Требование свободы слова, печати и собраний для всех партий, кроме буржуазных, звучало неоднократно».

«Предлагалось, при одобрении зала, по возможности переубеждать бойцов продотрядов, собирающих хлеб и иные продукты для пролетариата городов, а при сопротивлении уничтожать на месте. Продовольственные грузы отправлять добровольно, при соответствующей просьбе большевиков».

«Ясно, что при таких умонастроениях, как у Махно, поставленная ЦК партии и ее вождем тов. Лениным задача по разверстке на Украине 100 миллионов пудов выполнена не будет...»

Из обмена записочками на заседании Политбюро ЦК РКП(б). Июнь 1919 года.

Бухарин: «Украинский середняк по понятиям, существующим в Центральной России, – типичный кулак. Это и есть классовая опора махновского движения. Я поддерживаю требование председателя правительства Украины Раковского о насильственном образовании совхозов, что позволит решить проблему с классовой точки зрения».

Троцкий – Каменеву: «Коля Балаболкин, как всегда, решает теоретические вопросы, считая себя главным мыслительным аппаратом партии. А тут вопрос прежде всего военный. Или мы раздавим махновщину, или она укрепится и овладеет значительной частью Украины. Уговорами здесь ничего не решить, надо действовать».

Каменев – Троцкому: «В связи с резким усилением белого движения на юге России и захватом Донбасса предлагаю повременить с военным наказанием Махно».

Троцкий – Каменеву: «Это и есть соглашательство. Нарыв надо резать, не допускать гангрены».

Ленин – членам Политбюро: «Подтверждаю мое всецелое одобрение действий тов. Троцкого. Однако здесь, как и в отношении казаков, необходимо пойти на хитрость, прямолинейность ничего не принесет...»

...Тиха украинская ночь. Только аппараты Юза да мощные радиостанции, доставшиеся Красной армии в наследство от царской, не спят. Стучат передающие ключи, стучат буквозаписывающие устройства.

Но это неслышные для большинства людей звуки.

Глава седьмая

Темным вечером трое всадников проскакали вдоль Днепра. Остановились у хатки, стоящей почти на самом берегу. Спешились. Один из всадников крадучись пошел к хатке. Прислушался, затем постучал в окошко. Это был Владислав Данилевский. В длинной свитке и старой смушковой папахе, он горбился, как старик.

Но едва распахнулась входная дверь, как он выпрямился, превратился в статного, рослого человека с офицерской выправкой. Мария бросилась задерживать занавесочки, зажгла плошку. Фитилек, опущенный в бараний жир, потрескивал, давал слабый свет. Но и этого света было достаточно, чтобы увидеть на лице Владислава еще не вполне зарубцевавшийся шрам.

– Ой! Шо это?

– Шашка... Обошлось.

Она приникла к гостю, и его рука скользнула по ее выпуклому животу.

– Хлопчик?

– Один Бог знает.

Владислав сбросил с себя свитку и оказался в полковничьей форме: черные марковские погоны, «добровольческий» шеврон, знак первопроходца, Георгиевский крест, на рукаве нашивки за ранения.

– Ой, не боишься так? – всплеснула руками Мария. – Все Махно ищешь?

– Ишу.

– На дочку хочешь глянуть? Выросла. Уже на ножках стоит.

– Нет, не буди. Рассироплюсь... Выживем – нацацкаюсь.

Она гладила его: в горнице было сумеречно, но пальцы запоминали.

– А победите?

– Нет, – ответил он твердо. – Деникин не решается отдать землю крестьянам. Вообще ни на что не решается. А земля уже у мужика, воевать за нее он будет люто. Против мужика нам войну не выиграть. Господа наши – дураки. Мы землю кровью отвоевываем, а они давай мстить. Вешают, порют, штрафуют... Против нас народная ненависть, это страшно.

– И шо ж делать?.. Нас-то хоть в своей голове держишь?

– Когда убью Махно, заберу вас, уедем...

– Куда?

– Не знаю... Никто ничего не знает. Все облютели, уничтожают друг друга...

– А ты не облютел?

– И я тоже.

Она гладила его, прижимала голову к своему животу.

– Чуешь, ножкой бьет?.. Вот, еще...

Владислав силился улыбнуться.

– Може, он победит, – сказала Мария.

Владислав смотрел на нее. Женская вера! На ней все держится. А он, полковник, знал, что дети для России уже ничего не значили. Она их давила, как пьяная мать...

– Все, пора! – Он встал, положил на стол большую пачку денег, горсть каких-то драгоценностей. – Трать осторожно. Приметят!

– Ой, зачем столько?.. Ты что, нагребил?

– Черная касса. У нас в офицерском взводе так: если кто одинокий погибает, деньги делим. Я вот один из всего взвода остался. Большой куш сорвал, – горько усмехнулся он.

– Смертное богатство! – тихо сказала она.

– Бери! И вот еще что! – Он положил на стол бумажку. – Спрячь хорошенько, чтоб махновцы не нашли... Или комиссары... Это от Деникина документ.

– Зачем?

– Наши придут, тогда покажешь.

– А придут?

– У нас сейчас собралась большая сила. Казаки поднялись...

Она прижалась к нему:

– А говоришь, не победите.

– Победит тот, кто больше крови прольет. Самый жестокий. Боюсь, это будем не мы.

Они стояли обнявшись. Каждый стремился оставить другому частичку своего телесного тепла, которое необходимо было не только грудному дитяти. Он – поглощенный жадой мести, она – вся в жажде любви... Одинокая пара на краю пропасти, расколовшей Россию.

– Когда снова придешь?

– Не знаю.

Вернувшись в Волноваху, Нестор прямо с вокзала направился в школу, превращенную в лазарет. У входа сидели два старых грека, санитары – здесь большинство сел было с греческим населением. Махно они не знали, поэтому даже не привстали, только взмахнули кисточками на фесках. Между греками на лавочке сидел раненый – большущий мужик с замотанной от макушки до носа головой. Компания пила вино – чашками из ведра.

– Станиясо! – говорил раненый, поднимая чашку.

– Си-ийя! – отвечали санитары, поднимая в ответ свои чашки.

– Шо ж вы, черти, его накачиваете? – с напускной суровостью спросил Махно. – Он же в голову раненный!

Старики нахмурились, а раненый вскочил, услышав голос Нестора:

– Ты, батько? Не лайся. Це оны лечать. Сантуринске вино, оны говорить, для здоровья.

Невозможно было не узнать Марка Левадного по его крупной стати. Обнялись. Поднялись и санитары, заулыбались:

– Лечим, батька!.. Хороший человек, надо лечить!

– Пока ще очи поганенько бачуть, – сказал Левадный. – А так уже почти здоровый.

В коридоре Нестор встретил Марусю Никифорову, которая получила повышение: покинув банно-прачечный пост, она стала начальницей лазарета и единственного усатого селянина-фельдшера. На «персонале» были халаты неопределенного цвета. Раненые лежали на полу, на соломе.

– Батько! – обрадовались раненые. – Батько, здравствуй!

– Здорово, хлопцы! – Махно повернулся к Марусе: – Шо, не могла кроватей нареквизировать, матрасов соломой набить?

– Та... – обреченно махнула рукой террористка. – Все одно, ничего нема. Даже йода. Самогонкой мажем. Бабки травы приносят, только я не шибко знаю ихние гречески травы.

– А как той лекарь, шо я прислав? Справляется? Не удрал?

– Офицер?

– Военный лекарь. Ясно, офицер...

Маруся не ответила, отвела глаза в сторону. Махно начал догадываться, помрачнел, стиснул зубы.

– Що с ним?

– Батько, заспорили мы с им. Он, гад, дворянска кровь... Ну...

– Шо «ну»? – закричал Махно. – Шо?

– Ну... застрелила... – Маруся, взглянув на Махно, попятилась. И фельдшер тоже испуганно отпрянул в сторону. – Ну не могу я з офицерами, батько. Ненависть у меня к им.

Махно молчал.

– Отпусти меня, батько... Не гожусь я для твоей армии. Сердыта у мене душа. Хоть и бабска.

Нестор тяжело смотрел на Марусю. Он и сам знал, что такое ненависть.

– А ты кто? – неожиданно спросил Махно у фельдшера.

– Не узнали? Я ж Забродский. Ветеринар с коммуны.

– А-а, помню. Тепер шо, людей лечишь?

– Оперирую... Людей легче. Человек хоть скажет, где болит.

Нестор вновь обернулся к Марусе, еще раз смерил ее мрачным взглядом.

– От ты меня тогда за детей ругав, – тихо сказала Никифорова, и не было у нее в глазах никакого страха. – А у меня и не будет их никогда, детей. Може, и хотела б. Там, на винном заводе, пьяный доктор меня от ребеночка избавлял. Наковырял, еле выжила. И не смотри на меня так! Отпустишь, не отпустишь – все равно я уйду! К белым пойду. Давно хочу Деникина убить. Я ж была лучшая безмотивница. Двух вице-губернаторов застрелила, трех прокуроров, жандармов без счету...

– Уходи, – сказал Махно. – У Лашкевича деньги возьми. Сколько нужно. И шоб я тебя больше никогда не видел! Никогда!

И Нестор действительно больше никогда не увидит ее, самую свирепую партизанку и террористку Украины. Последним, на несчастье Маруси, на ее пути-дороге повстречался зоркоглазый и решительный генерал Слащёв...

Личный поезд создателя Красной армии, председателя Реввоенсовета Республики Льва Революции Троцкого стоял в Харькове на запасных путях. Это был уникальный поезд. Два блиндированных паровоза, царские вагоны люкс с душевыми, вагоны-гаражи, вагоны-конюшни, пушки на платформах, пулеметы, даже такие диковинные зенитные, как французский «гочкис»...

При поезде были еще вагон-баня, вагон-клуб, вагон-столовая, вагон-типография, вагон-радиостанция, из которой в нужное время выбрасывалась высокая антенна, устанавливались растяжки, и рация была готова принимать волны не только царскосельской станции, которая обслуживала большевистское правительство, но даже сигналы, передаваемые с Эйфелевой башни.

Двести беззаветно преданных матросов Балтфлота и латышские стрелки составляли экипаж и охрану Троцкого. За Льва Давидовича они были готовы идти в огонь! На рукаве у каждого матово поблескивал сделанный на Петроградском монетном дворе красочный знак с надписью: «Поезд председателя РВСР». Знак этот действовал похлеще, чем удостоверение чекиста.

За основным поездом обычно следовал еще один, подсобный. Здесь были спальные вагоны, вагоны-склады, вагоны-арсеналы... Никогда еще не было таких поездов и, вероятно, никогда больше не будет. По рельсам войны бегали несколько орденосных бронепоездов: «Троцкий», «Урицкий», «Свердлов», но куда им было до этого!

В штабном отсеке этого поезда над картой колдовали, спорили и определяли судьбы революции три человека: сам Лев Давидович Троцкий, его заместитель Эфраим Скланский, человек маленький, тихий, немногословный, и еще Иоаким Иоакимович Вацетис, бывший царский офицер, а ныне главнокомандующий вооруженными силами Республики. Вацетис – крепкий, коренастый, грубый, бритая голова вдавлена в плечи, говорил с сильным прибалтийским акцентом.

Вацетис был царский полковник. Хоть из крестьян, но не плебей, не выдвигенец Великой войны. Окончил Академию Генштаба. Это он со своими латышами подавил левозэровский мятеж в июле восемнадцатого. Русских считал недочеловеками, стадом, а не народом. Но в данный момент, когда русского человека необходимо было «сузить» и из анархической личности превратить в ограниченного обязанностями исполнителя, Вацетис играл важную роль.

Может быть, уже сыграл. Во всяком случае, расстрельных списков он подписал много и делал это охотно.

– Дивизия Шкуро теснит нашу Девятую. Противостоявшая нам дивизия Покровского перебрасывается под Царицын, но у Дебальцево обнаружился Корниловский полк... – Согнувшись над картой и не глядя на Троцкого, но полагая, что он внимательно слушает, Вацетис бубнил, водя карандашом: – Гиттис преобразовал бригаду Махно в дивизию, и сейчас махновцы продвинулись от Волновахи до Матвеева Кургана и ведут там бои, отрезая Таганрог и Ростов...

Между тем Троцкий совсем не слушал Вацетиса. Глядя в окно, он теребил бородку. Он был занят своими мыслями. Все понимающий Склянский, альтер эго Троцкого, чуть насмешливо смотрел на сундукообразную спину Вацетиса. Склянского забавлял неподражаемый акцент Вацетиса и его ровный – «ду-ду-ду» – голос. Сам Склянский по образованию был военный врач, из мещанской, но обеспеченной киевской семьи, знал семь языков, тогда как Вацетис – полтора. Половинка – это русский.

Склянский знал, что все будет так, как скажет его кумир, председатель РВСР, потому что Лев Давидович соображал намного лучше, чем сотня пунктуальных Вацетисов. Дни Иоакима Иоакимовича как главнокомандующего были сочтены. На должности начальника Латышской дивизии он, возможно, был на месте, но главнокомандующим...

– Мне не нужны ваши штабные выкладки, – наконец резко прервал Вацетиса Троцкий. – «Первая колонна марширен», «вторая колонна марширен»...

– Я так не говорил! – возмутился Вацетис.

– Знаю. «Войну и мир» Льва Николаевича читали?

– «Войну» прочитал, – неуверенно ответил главком. – А «Мир» пока не успел.

Склянский прыснул в кулак. Невероятная язва этот Троцкий! Но умен, проницателен, скор в решениях.

– Напрасно не успели. «Мир» – это своеобразная стадия войны, – авторитетно заявил автор теории перманентной революции. – Покажите, где сейчас Махно?

Вацетис очертил на карте обширный район, протянувшийся вдоль Азовского моря.

– Прекрасно!.. Десять Швейцарий... А что контролирует сейчас другой батька или, как его там... атаман Григорьев?

– Григорьев крепко удерживает Николаев, Херсон, Одессу и всю прилегающую территорию, – не без удовлетворения показал главком владения Григорьева. – Кстати, должен заметить, Лев Давидович, его бригада уже тоже переименована в дивизию.

– Прекрасно, прекрасно! – развел руками Троцкий. – Между тем родитель этих двух бандитских дивизий, анархистствующий матросик Дыбенко сейчас покоряет Крым. И это несмотря на два моих приказа оборонять Донецкий бассейн и не устраивать авантюры. А также несмотря на две категорические телеграммы Ленина... Партизанщина – вот что погубит революцию. Батьки, атаманы, они рвут Украину на части!.. Вы хоть что-то видите дальше своего полковничьего носа, Иоаким Иоакимович?

Вацетис побагровел:

– Я попросил бы вас, Лев Давидович... Я имею честь офицера...

– Помолчите, Иоаким Иоакимович! Я недавно погнал в шею Бонч-Бруевича, а он не в полковниках ходил, а в генерал-лейтенантах, в отличие от вас... Вы, похоже, гордитесь этим своим Махно, Иоаким Иоакимович. – Троцкий внезапно понизил тон, заговорил почти задушевно. Умеет, умеет разговаривать он и с людьми, и с толпой: недаром учился ораторскому искусству в риторских школах у великих психиатров Фрейда и Адлера! – А между тем этот батько зверски уничтожает всех офицеров. Даже тех, кто перешел на нашу сторону... А у меня в Красной армии служат тридцать пять тысяч бывших офицеров. Их семьи получают пайки, жалованье!..

– Вас за это уважают, – примирительно произнес Вацетис.

– Большая часть Правобережья Днепра у Григорьева, Левобережье – у Махно. Почти вся Украина. Ну, на западе еще Петлюра. Но запад – это несерьезно. Польско-австро-венгерская склонность к маскарадным костюмам и красивой фразе о происках москалей. Запад вычеркнем. И где вы видите наше место? Махно укрепляется. Этот противник власти, в сущности, устанавливает собственную власть. У него уже армия, почти пятьдесят тысяч человек. Будет сто... Кстати, а сколько у Дыбенко?

– Двенадцать тысяч, – без запинки ответил главком.

– А когда матросика вместе с его дамой, этой Орлеанской девой, решившей стать пролетарской мадам Рекамье, выпрут из крымских великокняжеских покоев, у него не останется и пяти тысяч... И что вы тогда прикажете делать с еще более расширившейся империей Махно?

Вацетис наморщил лоб:

– Но на Махно держится наше наступление на Ростов!

– Отменим.

– Как?

– Думайте, Иоаким Иоакимович. У Махно сейчас десятки тысяч новобранцев, ему не хватает боеприпасов и оружия. Понимаю, вы не можете не снабжать его. Но в таком случае пошлите ему малопригодное, устаревшее вооружение.

– Но он потерпит поражение! – удивился честный Вацетис. – Мы потеряем Донецкий бассейн!

– Я оставил Восточный фронт, где наступал Колчак и где мое участие было крайне необходимо для Республики, я гнал свой поезд через разбитые дороги и мосты со скоростью сто верст вовсе не для того, чтобы читать вам уроки политграмоты. Да, мы потеряем эту часть Украины. Сюда придут деникинцы со своей жадной мести и старыми порядками. Украинское крестьянство никогда не примет белых офицеров. Оно впечется в них зубами, оно не даст им жить. И мы получим эти хлебные земли обратно, не сомневайтесь... Но если здесь воцарится Махно, крестьянский вождь, играющий на мелкобуржуазных инстинктах украинского мужичка, хозяйчика и вольнолюбца, мы с этим батькой уже не совладаем. Деникин предпочтительнее. И, кроме того, как только Махно побежит, мы обвиним его в предательстве революции и пособничестве деникинским генералам. Мы уничтожим его морально... Все! В детали не вдаюсь. Действуйте сами! – Троцкий повернулся к Склянскому: – Эфраим Маркович, подготовьте приказ для Григорьева. Наступление на запад для оказания помощи венгерской революции. Пошлите к нему полсотни комиссаров. Заставьте его уйти в поход! Пусть уходит подальше! За неподчинение приказу – расстрел. Хватит баловаться!

– Атаман Григорьев вряд ли уйдет с Украины. Скорее всего, он взбунтуется и... и даст повод для ответных действий, – правильно поняв Троцкого, сказал сообразительный Склянский. – Что ж, лучше раздавить змею, пока она в яйце.

– Да!.. И разработайте мероприятия по поводу других «батьков», помельче. Сейчас многие атаманы в красных командирах ходят. Тоже опасные союзники... Извините. Я двое суток без сна.

Лев Давидович совершенно по-домашнему улегся на кожаный диванчик, снял очки, положил их на стол и тут же безмятежно, как младенец, уснул. Ладонки под щечкой.

Вацетис и Склянский на цыпочках вышли из штабного отсека.

– Голова! – прошептал Вацетис. – Видит далеко.

Склянский согласно кивнул.

На диванчике штабного отсека мирно спал совершенно штатский, в потертой кожанке и мятых брюках человек, сын арендатора из-под Херсона, создатель Красной армии, сокрушивший – если не в боях, то «катаньем» – белые армии, свирепых крестьянских вождей, немцев, англичан, греков, французов и прочих интервентов. Спал, посапывая и причмокивая. Может быть, ему снилась красавица жена Наташа Седова, дочь донского казацкого старшины,

ненавистника «студентов, жидов и прочих революционеров». Наташа без памяти влюбилась в козлобородого революционного трибуна, отказалась ради него от отца и всей многочисленной родни, которая с самого начала почуяла в этом козлобородом будущего палача казачества.

О Революция! Встреча огненной магмы с океаном!

Знаменитый поезд пока стоял. Но время бежало, мчалось, летело...

Стены вокзала кое-где были подкопчены пламенем, вырвавшимся из разбитых окон. Название, впрочем, можно было легко прочесть: «Юзовка».

На железнодорожных путях стояли разбитые и целые вагоны, платформы с углем. И здесь же полусожженный, с дырами от снарядов в обшитых вагонах, бронепоезд «Доброволец». Над одним из его вагонов полоскался на легком ветерке белый флаг, символ капитуляции.

Махно въехал на перрон на своем жеребце. Его сопровождала свита. И хотя многие махновцы были перевязаны, а кто и испачкан кровью, все они были веселы.

У конца перрона стояли две артиллерийские упряжки, и здесь же Нестор увидел Павла Тимошенко на крестьянском коньке, с бебутом на поясе.

– Молодец, Павло! – крикнул ему Нестор, указывая на молчаливый и уже вовсе не страшный бронепоезд. – Хорошо уцелил!

– Если б они только знали, что я уже был без снарядов – не сдались бы, – осклабился Павло. – Я пушку страхом заряжал!

Возле вагонов под охраной хлопцев сбилась в кучку команда бронепоезда. В основном это были офицеры в кожанках, черных гимнастерках или английских френчах.

– Пушкари! – крикнул им Тимошенко. – К трехдюймовкам снарядов не позычите?

– Были б у нас снаряды, ты б тут рожи не корчил, – ответил ему капитан с эмблемой броневых сил на левом рукаве кожанки.

– Молодец. Смелый. До доньшка, говорите, довоевались? – продолжал веселиться Тимошенко. И обратился к Махно: – Батько, а може, того... я их сагитирую перейти до нашего состава? А бронепоезд чуть подремонтим, назовем его «Батько Махно».

– Нам бронепоезда ни к чему, – ответил Махно, оценивающим взглядом оглядывая команду бронепоезда. – К тому ж – добровольцы... Порубать их в капусту – и только!

– Это мы в секунду! – ухмыльнулся Щусь.

Махно пошел дальше по перрону, сопровождаемый Чернышом.

– Бронепоезд... – рассуждал он на ходу. – У нас степ. В степу сто дорог, а у бронепоезда один путь...

– Это точно, – согласился Черныш, без особого, впрочем, энтузиазма. – А ты, батько, на карту смотрел? Мы ж здесь, как муха в варенье, в паутине дорог. Донецкий бассейн, словом. Кругом узловые станции... Зажмут бронепоездами – не вырвемся. Тем более что мы без боеприпасов... Опасное место!

– Помогут. Донбасс большевикам во как нужен! – Махно провел ладонью по горлу, отмечая опасения начштаба.

В аппаратной он продиктовал телеграфисту:

– *«Надиву Заднепровской Дыбенко, командюжфронтом Гиттису... Нахожусь в сердце Донецкого бассейна Юзовке. Наступаю Ясиноватую, Иловайскую... Захват Таганрога и Ставки Деникина вопрос дней... Также возьму Ростов... Несу большие потери. Срочно нуждаюсь боеприпасах, вооружении, пополнении живой силой... Комбриг батько Махно».*

– Открытый текст, могут перехватить! – предупредил Черныш.

– А хрен с ними, пусть боятся! Со страху голова кругом пойдет!

Махно еще не знал, какой сокрушительный удар будет нанесен ему здесь, в Донбассе. На следующий день на станции Юзовка он принял очень вдохновляющую юзограмму: «...Эшелон

вооружением боеприпасами вышел Константиновки прямым направлением Юзовка. Встречайте. Командуюжфронт Гиттис, начштафронт Тарасов».

– Ну от, хлопцы, – удовлетворенно произнес Нестор. – С утречка попрем на Таганрог, в гости до Деникина. Обед генералу спортим!..

Хлопцы рассмеялись. До чего же весело воевать у батьки!..

Ставка Деникина размещалась на лучшей улице Таганрога – Петровской, которая пролежала от вокзала до самого маяка, перерезая город на две части, словно ножом.

Антон Иванович, небольшого росточка, осанистый, расхаживая по кабинету, говорил начальнику штаба генералу Романовскому:

– Иван Павлович, прошу составить приказ по Вооруженным силам юга России... Идея генерала Врангеля об основном ударе на восток для соединения с адмиралом Колчаком мною окончательно отвергается. Принимаю директиву «Поход на Москву». Основное направление через Харьков, Курск, Орел, Тулу... Предполагаю в первую очередь освобождение Донецкого бассейна и портов Азовского моря. Я должен быть спокоен за тылы. А между тем...

В приоткрытые высокие окна особняка врывалась перекличка судов на рейде Таганрога. Было хорошо видно, как трепещут на морском ветру французские, английские и русские флаги. Тяжело грохотали гусеницы танков на брусчатке безукоризненно ровного Петровского проспекта. Доносился цокот копыт конницы.

– Антон Иванович, Махно сейчас в районе Юзовки, у него около пятидесяти тысяч штыков и сабель.

– Отлично. Он в переплетении железных дорог. Направьте туда все бронепоезда. Это хороший аргумент против бандитских тачанок. Отрежьте его от Девятой дивизии красных конницей Шкуро. Кто там сейчас командует Девятой?

– Бывший подполковник, выпускник Академии Генштаба Молкочанов.

– А-а... – Деникин задумался. – Помню его по Сандомиру. Был командиром Восьмого полка. Нерешителен. Бойтся охватов. Пусть махновские вояки посмотрят, как умеет бежать Красная армия. Это на них подействует. И вот еще что. Я понимаю... э... гуманность. Но наших офицеров махновцы подвергают жестокой смерти. Поэтому я не возражаю, если этих дикарей тоже не будут брать в плен!

Ставка возрождающейся Русской армии носила пока скромное название Вооруженные силы Юга России. Просторный кабинет, из высоких венских окон которого хорошо просматривается город. Шелестит карта, над которой склонились сам Антон Иванович Деникин и его штабные. Дерзкие умы, обширные планы. Звездный час русского освободительного движения, которое уже никогда не достигнет столь высокой точки.

– Антон Иванович! – Романовский указал на кабинетные часы. – Десять двадцать... Историческое мгновение. Я верю: начался отсчет времени нашего победоносного похода на Москву!

Деникин пригладил холеную, клинышком, бородку. Кивнул. Он тоже верил, но не был склонен к экзальтации. Сын крепостного, подневольного рекрута, забритого на военную службу на двадцать два года, он, благодаря усердию, достиг высочайших генеральских вершин. Но он не стратег, не мыслитель и не политик. Для него махновцы – озверевшие крестьяне, которых надо лишь как следует напугать, чтобы привести в чувство. Сам из крестьянского рода, он не понимал их жажды иметь свою землю... Он многого не понимал, как почти все царские генералы. Но пока он – победитель, наносящий неожиданный выпад. Кто мог ожидать такого поворота событий?

Он, Деникин, которого все считали честным служакой, не более того, вдруг может стать спасителем России! Освободителем древней Москвы от ига большевиков, которое страшнее любого иного...

– Господи, кто мог ожидать? – вслух произнес Деникин, крестясь на икону Божией Матери Смоленской, список которой он всегда возил с собой. Теперь иконка висела в углу его кабинета, над лампадкой. – Отправляясь в Ледовый поход, мы были жалкой кучкой патриотов... обреченных, несчастных. Каледин застрелился... Большевики сами создали нас своими репрессиями и казнями. Они пробудили Дон. И вот теперь мы идем освобождать матушку-Москву...

Романовский тоже перекрестился. Он безоговорочно верил в своего старшего друга и вождя армии. И притом надеялся на чудо. Ну разве не чудо – возрождение Русской армии в то время, когда, казалось бы, все потеряно?

Глава восьмая

Паровозик, пыхтя, подкатил к вокзалу Юзовки. У путей уже стояли телеги, брички. Все ждали оружия, боеприпасов. Возчики были нетерпеливы и сердиты:

– Ты куда со своим возом, Петро? Я раньше приехал!

– Може, – отвечал невозмутимый Петро. – А тилькы мои хлопцы сейчас под Мушкетовой бьются. На трех одна винтовка!

– А нашим под Ольховаткой, думаешь, легче? Два кадетских бронепоезда пидийшлы, а снарядов нема!

Без очереди прорвались тачанки, на передней сидел дед Правда:

– Расчисть дорогу махновским танкам, пехота! Хлопцы без патронов!

– Сами добуйте. На то и тачанки!

– Дурень! Вам подсумок на поясе, а нам ящика мало! Лента улитае, як варенык в пузо!..

Споры, крики. Где три хохла, там и ярмарка. Какие-то телеги сцепились колесами. Возчики лупили батогами коней, а заодно и друг друга. Хохот. Обстановку разрядил тощий селянин с высоким козлиным голоском:

– Осади, тачанки! Вы хоть весь час с горячей водой: одльв з кулемета та попов чайку. А я пятый день без кипятка. Скоро воши в животи заведутся.

– Ты карасину попой! Од вошей помогае!

Зубоскалят махновцы.

Хотя через минуту им уже будет не до веселья.

А рядышком, на перроне, стоял обоз с ранеными. На телегах лежали только тяжелые. Легко раненные, кто мог ковылять или у кого руки на перевязи, сидели возле телег или обслуживали тяжелых.

Один из лежачих приподнял с соломы голову, посмотрел на прибывший поезд: там махновцы раздвигали скрежещущие двери, открывая темные зевы вагонов.

– Стёпка! – слабым голосом окликнул он кого-то из своих ходячих приятелей. – Глянь, шо там в вагони. Може, хоть бынт якый чи якись лекарствия. Кровью изойду, тече и тече, зараза...

– Ты ладонью затыкай... ладонью, – посоветовал другой легкораненый. – То в тоби жилу прострелило.

Не всем, выходит, здесь весело...

Из вагонов хлопцы стали вытаскивать длинные ящики с непонятными надписями. Быстро топорами поддевали доски, вскрывали нутро.

Кто-то уже держал в руках поблескивающую смазкой винтовку.

– Якая-то загранична, хлопцы!..

Попробовал передернуть затвор. Оттянув «шишку», заглянул в ствол.

– Однозарядна, зараза! – разочарованно сказал парень. – Баштан охранять!

– Дайте пройти, хлопцы! – протиснулся сквозь толпу Черныш. За ним Лашкевич с портфелем, готовый вести учет, и несколько «специалистов» из бывалых вояк. Следом торопились Кожин и Тимошенко.

– А ну, покажь мени цю пушку! – попросил старослужащий у молодого, с интересом стал рассматривать винтовку. – Николы таку не видал!

Чуть позже в станционном помещении Черныш докладывал Нестору:

– Прислали, батько, две тысячи французских винтовок «гра» и по двадцать штук патронов на винтовку...

– На полчаса несерьезного боя, – нахмурился Нестор.

– Но и не в том дело! Винтовки со старых складов. Однозарядные, вроде наших берданок. Может, когда-то царские министры по дурости чи с пользой для своего кармана закупили... Еще пять тысяч винтовок системы «Тула»...

– «Тула!» Шо за винтовка? Даже не слыхав, – мрачно сказал Махно.

– Так это ж и есть «Бердан» номер два. Тоже однозарядка.

– Так... – Махно смотрел в стол, он начал что-то понимать. – Дальше!

– Пять тысяч итальянских винтовок «манлихер-каркано», шестизарядные...

– Ну! – приободрился Махно.

– А патроны прислать забыли.

– Може, наши подойдут?

– Если молотком забивать.

– И снаряды французские! – не выдержав, вклинился в разговор Павло Тимошенко. – До ихних скорострелок. А у нас трехдьюмовки! Это все равно шо огурцымы заряжать!

– Озерова сюда! – потребовал Нестор и тут же набросился на дыбенковского штабиста: – Як же все это понимать, Яков? Патроны не подходят, винтовки негодные! Ты ж большевик, Яков! Шо ты про это думаешь?

– Что я думаю? – не сразу ответил Озеров, уставившись в землю. – Думаю, что-то переменялось.

– Шо? Погода? – съязвил Щусь. – Дуло в лицо, а теперь в яйцо?

– Почти угадал, Федос. Где-то там, в Москве, ветер переменялся, – вздохнул Озеров.

Махно молчал.

– Во! Точно! Обманули нас, Нестор! – не выдержал Щусь. – Сунули комиссары нас в саме пекло и без боеприпасу оставили! Надо шось делать!.. Я б для начала этих комиссаров трошки порубав!

– От этого легче не будет, – угрюмо произнес Махно. Издалека доносились звуки боя. Но это привычные звуки, вроде тиканья часов. Появился громогласный, громоздкий, как шкаф, Лёвка Задов:

– Батько! Разведка докладае: Девята дивизия красных з Очеретино втекла. Там зараз дроздовци. Свободно могут со стороны Андреевки до нас в тыл зайти!..

Махно кивал. Он как будто ждал этого сообщения, которое лишь подтверждало его догадку. Встал.

– Хлопцы! Конным и пешим порядком, меж железных дорог, выходим на Комарь... и в степь! Подальше од бронепоездов! Черныш, расписуй порядок отхода... А все это оружие, – он кивнул на лежащие на столе патроны, – которое еще на шо-то пригодное, раздать арьергарду и боковым охранениям...

– Нестор Иванович! – вмешалась Галина Кузьменко. – Что с тяжелоранеными? Их сотни... нельзя оставлять. Есть и такие, которые не выдержат дороги.

– Решим, – успокоил жену Нестор и твердо добавил: – Значит, так! Все телеги, тачанки, все, шо с колесами, отдаю в твое распоряжение, Галя! Загружай раненых – и вперед! Вдоль речки Грушевки – до Гуляйпольщины! А мы следом. Пешы. Будем вас прикрывать!.. А где там наши московские анархисты? Позовите сюда Зельцера!

Московские анархисты обосновались в пристанционной постройке, на которой была наклеена четкая, типографским способом отпечатанная надпись «Культпросветотдел».

Здесь же была установлена походная «бостонка». Валик, приводимый в движение «одной человеческой силой», бегал по набору. Сольский складывал листки «Срочного выпуска Первой Украинской дивизии имени батьки Махно». Мелькал заголовок: «Донбасс уже наш, анархический, свободный...»

Юрко влетел в помещение:

– Сматывайте вашу «молотилку». – Мельком взглянул на листки, которые складывал Сольский: – И Донбасс уже не наш.

– То есть как это? – даже подпрыгнул Сольский.

– Дубовым корытом накрылся «свободный анархический». Отступаем на Гуляйполе, – пояснил Юрко. – А товарища Зельцера батько срочно просюют до себе.

Волин оторвался от стола, где быстро писал какую-то статью. Шомпер застыл с открытым ртом.

– Это, извините, вы так шутите? – тихо спросил Волин у Юрка. – Вы меня сбили с мысли. Я как раз заканчивал статью о торжестве свободы на Донбассе. О передаче собственности в руки рабочих коллективов.

– Хорошее дело, в Гуляйполе допышете, – похвалил Юрко Волина и следом за перепачканным типографской краской Зельцером вышел из помещения.

– Вот шо, Сема, – встретил Зельцера Нестор, оторвавшись от изучения карты. – Надо сделать справки для тяжелораненых. Везти на телегах мы их не можем – помрут. Надо их снабдить такими справками, щоб их деникинцы не тронули. Ну, к примеру, шо они недавно мобилизованные в армию Май-Маевского. И щоб штамп, печать, подписи...

– Когда? – спросил ошеломленный Зельцер.

– Сейчас. Будете сидеть и делать. Фамилии вам счас доставят. Хоть штук тридцать сделайте, для самых тяжелых...

– Хорошенькое дело! Так я досижу, что сюда придет Деникин.

– Мы оставим вам тачанку с кучером и хороших коней, – ободрил его Махно и вновь вернулся к изучению карты. Не поднимая головы, сказал Чернышу: – Здесь вдоль речки Грушевки пойдём. А левый фланг – по Котлагачу. Там хоть и плохонькие, но плавни. Прикроют.

– Я извиняюсь, а если я все-таки не сумею убежать? – вновь вклинился в разговор Зельцер.

– На всякий случай сделайте и себе справку, – посоветовал Махно.

– А если это будут шкуровцы? Говорят, они штаны снимают, проверяют... А мне и штаны не надо спускать, родители наградили меня неудачной физиономией.

Махно его уже не слушал.

– Здесь выйдем к Волчьей, и плавнями – до самого Гуляйполя, – продолжал он советовать с Чернышом. – В случае чего, рыбаки подмогут.

Начштаба согласно кивнул.

– Интересная получается картина, – не трогаясь с места, вслух размышлял Зельцер. – В Америке тоже была Гражданская война. Но я никогда не слышал, чтоб генерал Грант снимал с пленных штаны.

Махно бросил на стол карандаш, выпрямился:

– Ты же хотел, Сёма, интересной жизни? У нас тут постоянно интересная жизнь. Даже если на тебе сидеть, и то не так интересно. А неудачную физиономию, в случае чего, обвяжи какими-нибудь тряпками, будешь тоже вроде как тяжелораненый... Но это я шуткую. Вывезут тебя хлопцы, не беспокойся!

По сторонам египетскими пирамидами чернели терриконы. Обоз с ранеными покидал Донбасс, уходил подальше от станции, в степь.

Растянувшись в низинке, он двигался вдоль узкой речушки. Брели раненые, те, кому не хватило места на подводах и тачанках. На расписном задке тачанки деда Правды было крупно выведено: «*Буде врагу обида од безногого дида*». И еще на одной: «*Бей беляков по рожге, як Фома Кожин*»... Следом двигалась артиллерия Павла Тимошенко. Мягко месила песок конница Каретникова.

Весело воевали. Но сейчас не до шуток. Это походило на паническое бегство. Спасение жизней...

Наверху, над дорогой показался Черныш.

– Семён! – обратился он к Каретникову. – Там алексеевская конница нашу сотню охранения вырубала! Давайте туда, хлопчики, а то могут с фланга зайти!..

Каретников повернул своих кавалеристов. Лошади поднялись наверх, помчались в открытую степь. Один из махновцев на ходу снял с плеча карабин, передернув затвор, проверил казенник: пусто!

– Васыль! Позычь пару патронов. Видать, тут одной шаблокой не обойдемся!

– Мо тоби и жинку позычить? – весело ответил Василь, но вытащил из кармана два патрона, кинул их товарищу. Тот ловко, один за другим, поймал их.

– Пульнешь мимо, я тебе самого зарубаю!

– Не стражай! А то я один патрон на тебе срасходую!

Конница скрылась в степи.

В одном месте махновской колонне все же пришлось пересекать железную дорогу. Повозки с ранеными, пешие, конные взбирались на насыпь, с трудом переваливались через рельсы. Пешие, кто здоров, помогали лошадям. Торопились...

Издалека было видно, как пыхтел, приближаясь, бронепоезд. Ударил выстрел тяжелой пушки... другой... Снаряды вспахивали насыпь все ближе и ближе. Побежали испуганные кони. Побежали люди.

На изгибе пути наводчики бронепоезда увидели колонну, переваливающую через насыпь. Орудия рывкнули прицельно. Полетели в воздух колеса, оглобли, куски тел. Но командиры, зная, что приостановка – явная гибель, гнали лошадей с еще большей яростью. Колонна втянулась в балку. Бронепоезд посылал вслед ей снаряд за снарядом, но они уже не долетали и рвались где-то на склонах балки, среди густых зарослей глѣда и шиповника...

Оставшиеся в живых подбирали мертвых и раненых, клали на повозки: и все это деловито, молча, по-крестьянски, без сантиментов.

Война есть война.

– Оставь его, он у нього осколок в голове...

– Все ж таки дома поховаем, а тут в степу шо, собакам оставым?

– Офицере ж оставлялы.

– То ж офицере. Им все одно, де лежать. А Гнат в степу родывся, в степу вырис, хай в степу, бия своей хатынky, и покоиться з миром.

Отступление...

Крестьянская жизнь на какое-то время превратилась в бесконечную череду уходов, дикой жизни в лесах или плавнях, внезапных нападений и отступлений... Постепенно вырабатывалась привычка к такому образу существования. Уже не казалась пугающей незасеянная земля, ради которой и заварилась чудовищная война, как не казались необычными ранние и неожиданные смерти...

Уходила армия батьки Махно, небывалая в истории армия-невидимка, которая то вдруг зарождалась, разбухала с невиданной силой, то вдруг исчезала, рассасывалась по хуторам и селам, то хоронила своих бойцов десятками и сотнями, с воем и плачем, то танцевала, гупала сапогами на гулянках, свадьбах и крестинах. Еще много силы, много соку и веры в свое бессмертие у этого народа. Но все же, все же и он – не бездонный колодец...

И снова Махно очутился в Гуляйполе, родном убежище. В штабе шло заседание Военно-революционного Совета. Народу набилось много, вход никому не возбранялся: свобода. В углу на табуретках устроились «отцы-анархисты». Писали, положив листочки на колени: видно, что-то для истории. А разве не история творилась в местечке, о котором еще недавно никто и слыхом не слыхивал, а теперь у него появилось даже второе имя: Махноград. Центр практической анархии.

Нестор подошел к столу, в зале прозвучали аплодисменты. Хотя и до сих пор не вошло в привычку у селян хлопать в ладоши. Он поднял руку, дожидаясь, когда стихнет зал.

– Говорить пока ничего не буду, – сказал Махно. – Хочу вас послушать, дорогие мои командиры, маршалы мои. Шо вы думаете про то, шо с нами скоилось?

Какое-то время стояла тишина. Они-то ждали, что Нестор сам все им расскажет. А он вот как повернул: «Что вы думаете?»

– Предательство, от шо я думаю, – встал Щусь. – И если хотите знать мою мнению, то она така. Пришла пора показать большевикам зубы. Через йих столько боевых хлопцев полегло. Он у одного только Каретникова больше двухсот человек. Яких рубак! А через шо? Не было боеприпасу. Так, Семен?

Каретников не ответил, стоял, низко опустив голову.

– Надо с тылу ударить по большевикам! – горячился Щусь. – Они зараз под Павлоградом. Нельзя им такое простить!..

Последние слова Щуся потонули в общем гуле махновцев.

Встал Махно:

– Дело – табак... Мы снова меж огнями... Ну, ударим мы по большевикам. И совсем откроем фронт для Деникина. – Он опустил голову, размышляя. Тихо стало в зале. Табачный дым вился над головами. – И так получится, шо мы вроде как пойдём в союзники до генералов. Нам этого селяне не простят...

– Так шо ж делать, батько? – спросил Лашкевич.

– Не знаю. Спросим у наших друзей из Москвы. Они – розумнее, грамотнее. Может, шо дельное присоветуют?

И хлопцы опять аплодировали, пока Аршинов поднимался на сцену.

– Насчет того, кто из нас зараз самый умный – не знаю, – начал Аршинов. – Не так давно мы у вас, еще не во всем разобрались. Поэтому не судите строго, если что не так скажу. Почти уверен, большевики образумятся и поймут, что им с нами надо быть в союзе. А вот то, что деникинцы нам никогда не будут товарищами, это уж наверняка! Для них единая и неделимая Россия выше всего! Идею всемирной анархии им не понять!.. Так я думаю!..

Закончив, Аршинов спустился в зал.

Махно кивал: верно, мол. Согласен.

– Будем держать фронт против Деникина, – сказал он. – Защитим вольную Гуляйпольщину, землю свободы. А там видно будет, каким боком большевики до нас повернутся. Может, и признают.

– Признав вовк овечку за родну сестречку, – невесело пошутил Лашкевич.

– Ну а шо нам остается? Шо? – Махно начинал сердиться. – Я не бог... Думайте и вы, маршалы мои!

Нестор заметил, что в зале появился Задов, прислонился к стенке. Такая уж теперь была у этого здоровяка профессия: неслышно уходить, неслышно приходиться.

– Шо там у тебя, Лёва?

– Був я под Павлоградом, – пробираясь к сцене, еще издали начал свой отчет Лёвка. – Беседував с красноармейцами. Сами мобилизовани, против нас у них ничего нема. Хотя красни таку пропаганду против батьки распалылы и против нас тоже, шо аж волос на голове горыть!.. – Лёвка потормошил своей грязной пятерней буйные пока еще, вьющиеся темные кудри. Нос картошкой, хитрые маленькие глазки, всегда себе на уме. Но батьке предан. Достав из-за пазухи кипу газет, он положил их перед Махно. – Но есть новости и похужее. Атаман Григорьев подняв восстание против большевикив. Перебыв всех своих комиссаров...

И зал разом зашумел. Галдеж поднялся невероятный.

– От это да!..

– А шо йому? У його шесть бронепойиздив! Сила!

– Деникину ворота открыв!.. Шо ж оно буде?

– А тоже назывався батьком! Який, к свиням, батько? Штабс-капитан, сук-кин сын!..

– То до Петлюры, то до белых, то до красных! Бигает, як дурна собака за хвостом!..

– Григорьев – не дурак! Шось знае!..

– Батько! – это уже Лепетченко. – А може й нам до Григорьева? От була б сыла! И офицерив бы к ногтю, и большевиков... У Григорьева даже два ероплана!..

– Тихо! – стал успокаивать всех Махно. – Думать будем. До завтра. За нами пять уездов, сотни тысяч людей. Они ж на нас надеются! Криками мы ничего не решим. Но шоб к завтраму каждый имел свою думку. Два слова – и все! На долгие разговоры времени не будет!

И с какой-то обреченностью в голосе пошутил:

– А Лепетченке ероплан подарим. Пусть летает, як эта... як курица!

Невеселый смешок прошелестел по залу. До завтрашнего утра им предстояло решить судьбу всего анархического движения. Судьбу края. И личную судьбу каждого.

Вечером с Нестором случился приступ истерии. Газеты, принесенные Задовым, валялись на столе, на полу. Одну из таких газет Нестор топтал сапогами:

– Заразы! Заразы! Падлюки!

– Успокойся, Нестор! – пыталась утихомирить его Галина. – Это ж только газеты. Ну, напечатали! Сегодня так, завтра по-другому! На то и газеты, чтоб брехать!..

– Не-ет, Галка! Это ж не просто брехня! – Махно поднял с пола обрывки газеты, которую только что уничтожал. – Ты послухай... *«Изменник Махно открыл фронт Деникину...»*, *«Нестора Махно подкупили за тысячу золотых червонцев враги советской власти...»*. Смотри! Это ж «Известия Совета депутатов трудящихся Украины»... – Он взял со стола другой смятый лист: – А от – «Правда»! Смотри, Галя! «Правда»! На всю Россию газета! И шо пишут? *«Трус-ливый предатель Махно бежал с поля боя со своей бандой и пропустил Май-Маевского и Шкуро в тыл Красной армии...»*, *«Махно проявил себя, как и все так называемые партизанские атаманьы, махровым антисемитом, многократно устраивающим погромы...»*. – Он вытер пену, проступившую на губах. Его трясло. – Как жить, Галя? Когда это я был антисемитом? Я всегда за интернационал. Но от такой брехни разве отмоешься? И насчет Донбасса! Кому я докажу, шо было все не так? Як же я мог без оружия, без боеприпасов? Шо, всех хлопцев положить?

– Нестор! Собака лает, а селянин косит! Мы в своей газете пропишем правду!

– В своей? На пять уездов? А вся Россия эту «Правду» читает! Эту! – Он швырнул газету на пол. Поднял другую: – А от шо, зараза, пишет!

– Кто? – спросила Галина.?

– Та Троцкий! И как статью назвал? «Махновщина». – Нестор развернул, ткнул пальцем в строки: – О! Читай! *«Партизанищина была нужна, чтобы разложить и уничтожить старое государство. Теперь, когда власть в руках пролетариата, партизанищина становится враждебной силой. Поскобли махновца, найдеши григорьевца. А чаще всего и скоблить не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу. С этим анархо-кулацким развратом пора кончать раз и навсегда... Лев Троцкий, Купянск – Харьков»*. И число написал: *«второго июня девятнадцатого года»*. Для истории, падлюка, стараешься!

Галке бы по-бабьи прижать Нестора к себе, согреть своим теплом, утешить, как только жена может утешить. Но она – соратник. Преданный друг. Идейная анархистка. Глупенькая любящая Настя сумела бы. Даже «залетная птичка» Тина сумела бы. А Галя Кузьменко, учительница, не понимала, как должна поступить женщина, когда мужчина теряет самообладание и терпит крах.

Галина принесла ему кружку воды. Он отпил, остатки вылил себе на голову.

– Падлюки, падлюки! – скрежетал зубами Нестор и продолжал бегать по комнате, расшвыривая сапогами газеты.

– Может, приляжешь? Поспишь? – спросила Галя.

– Який сон? Який сон!.. Всю жизнь... – пожаловался Нестор. – ...Всю жизнь... Каторга... Ради воли... Ради трудящих. А пишут: «Пособник кулачества». Який же я пособник?... «Вступил в сговор с предателем Григорьевым!» Это ж подлая брехня!

Самолюбив батько! Ох самолюбив! Так высоко вознестись в глазах людей и быть так нещадно оскорбленным. Кому пожаловаться, кому написать?

Верно поняли его в Реввоенсовете Республики и верно рассчитали удар. Умные люди, изучившие психологию как профессионалы, знали, где у батьки ахиллесова пята.

– А может, и вправду, Нестор, податься нам до Григорьева? – осторожно спросила Галя. – Вас вместе никто не одолеет!

– Молчи, дура! – закричал Махно. – Шо ж, я у него в адъютантах буду?.. Да и не могу я воевать против большевиков. Они революционеры, а Григорьев – шавка, бегаёт от Петлюры до попов, от попов до большевиков. Сейчас до Деникина побежит, я знаю!.. Не-ет! Я анархист идейный, за всеобщее братство! А Григорьев кто?

Он ударил кулаком по столу так, что лампа подпрыгнула и повалилась набок. Зазвенело ламповое стекло. Наступила темень...

Сметая со стола осколки стекла, Галина тихо сказала:

– А лампы больше нема... И керосина тоже...

Утром на крыльце послышался стук тяжелых сапог, и в комнату вошел Лёвка Задов. Он быстро оценил ситуацию. Потом взял сонного Нестора в охапку, усадил на кровати.

– Просыпайся, батько! Будем ехать!

– Куда ехать? – спросил плохо соображающий Нестор.

– На хутора... куда-нибудь подальше... З Катеринославу хлопец известие привез. ВЦИК объявил тебя «вне закона»...

– Это шо ж значит? – с безразличием спросил Махно.

– А то, шо любой человек имеет право тебя застрелить. Подошлють кого з Катеринослава чи з Харькова – и все...

– Это меня вроде як бешеной собакой объявили?

– Плюнь. Мы тебя в обиду не дамо!

– Та я не шибко боюсь...

Махно постепенно приходил в себя.

– Одевайся. Надо ехать! – повторил Задов.

– Бежать от них? – усмехнулся Махно. – Не, Лёва, ты еще меня не до конца изучив... Ты от шо! Собирай Реввоенсовет!

– Шо? Прямо сейчас? Люди ж ще сплять!

– Кто жить хочет – проснется!

Через некоторое время в том же зале театра собрался совет. Махно выглядел усталым, осунувшимся, постаревшим сразу на пяток лет. Но в глазах его светилась решительность. Ему уже было ясно, как и что делать.

Наскоро собравшиеся, не выспавшиеся атаманы ждали, что скажет батько. В бой – так в бой. С ходу, не размышляя.

– От шо, товарищи мои и друзья! – встал Махно. – Я всю ночь думав. Я крепко все обдумав. И от мое решение. С красными мне биться не с руки. И с Григорьевым на товарищество душа не пускает. Поэтому от командования я ухожу... Тихо!

Подняв руку, он выждал, когда успокоится зал, обвел его тяжелым взглядом.

– Нашим полкам и их командирам предлагаю, по их решению, поступить на службу в Красну армию. Шоб, значит, защитит нашу землю од деникинской силы. Одним большевикам с этой силой не справиться, это точно! Без меня они примут вас с превеликим удоволь-

ствии. Меня они считают изменником. Меня, а не вас! Вы тут ни при чем: солдат выполняет приказы командира!..

Все молчали, уже не возмущаясь, подавленные и потрясенные решением батьки. В уставших глазах Нестора зажегся вдруг хитроватый огонек.

– Запасайтесь оружием, боеприпасом. А там видно будет, кто до кого пошел: анархисты – до красных, чи красные – до анархистов. Вы ж знаете: кто из большевиков до нас пришел, тот с нами и остался... Так шо не журитесь, хлопцы!

– А как же мы? – встал растерянный Шомпер. – Мы куда?

– Поезжайте в Харьков, хлопцы вас проводят. В Харькове есть федерация анархистов-теоретиков. Большевики их не трогают. Газета «Набат» выходит, при ней оставайтесь. Не последний час живем на свете, хлопцы! Туман стелется, а солнышко всходит...

– Нет, Нестор Иванович! Мы между собой так решили: будем с тобой до самой мировой победы анархизма! В этом каждый из нас видит смысл своей жизни! – как всегда высокопарно, высказался Сольский.

...Когда кони уже были запряжены в тачанки и легкие брички, чтобы увезти Нестора и его приближенных подальше от этих краев, где властвовал указ об объявлении батьки «вне закона», к месту сбора подошли несколько командиров во главе с Озеровым. Среди прочих и Марко Левадный, еще не до конца оправившийся после ранения: багровый свежий шрам пересекал его лоб, накрывая левый глаз. Второй, уцелевший глаз смотрел диковато и странно. Веко подергивалось.

– Вот что, батько, – сказал Озеров. – Мы тут малость помозговали и решили ехать в Харьков, к Троцкому.

Махно опешил. Штабист решил опередить возможную вспышку ярости:

– Не бежим. Не изменяем. Спробуем убедить Троцкого и всех его комиссаров, что армия батьки Махно не враг большевикам. Чувствую, тут где-то клевета, кто-то в ней заинтересован... Вот я и хочу поговорить с Троцким с глазу на глаз. Я его трошки знаю, встречались. Он – умный. Поймет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.